

ЖИГОЛО

для блондинки

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

...ИДЕАЛЬНЫХ МУЖЧИН
НЕ БЫВАЕТ...

...В КАЖДОМ МУЖЧИНЕ
ЕСТЬ КАКОЙ-ТО,
ХОТЯ БЫ МАЛЕНЬКИЙ
ИЗЪЯН...

ПОЭТОМУ ЕСЛИ ВЫ
КОГДА-НИБУДЬ
УСЛЫШИТЕ:
"Я ВСТРЕТИЛА
ИДЕАЛЬНОГО
МУЖЧИНУ!" –
НАСТОРОЖИТЕСЬ.
БЫТЬ БЕДЕ...

Маша Царева

Жиголо для блондинки

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=306162*

*Жиголо для блондинки: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39857-7*

Аннотация

...Идеальных мужчин не бывает. Кому, как не мне, это знать. Подтверждение тому – многолетний опыт, мой и моих друзей. В каждом мужчине есть какой-то, хотя бы маленький, изъян. Поэтому если вы когда-нибудь услышите: «Я встретила идеального мужчину!» – насторожитесь. Быть беде.

Арсений молод, голоден, амбициозен и немного ленив. Мечты его скромны: всего лишь целый мир к ногам. Путь вверх кажется простым – надо продать то единственное, что принадлежит ему безоговорочно, то есть самого себя. Американский миллионер, одинокая актриса, богатая вдова – для кого-то из них он станет одноразовым впечатлением, для кого-то – наркотиком, для кого-то – любовью. Для кого-то он – обслуживающий персонал, для кого-то – платный повелитель. Только вот так ли уж это просто – быть беспринципным? И если каждый день продавать себя, то не близок ли день, когда тебя съедят до крошечки и ты закончишься – насовсем?

Ранее это произведение выходило под названием «Жиголо, или Сто мужчин для безупречной блондинки».

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	30
Глава 3	57
Глава 4	82
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Маша Царева

Жиголо для блондинки

Пролог

Идеальных мужчин не бывает. Кому, как не мне, знать это. Подтверждение тому многолетний опыт, мой и моих подруг. В каждом мужчине есть какой-то, хотя бы маленький, изъян. Поэтому если вы когда-нибудь услышите: «Я встретила идеального мужчину!» – насторожьтесь. Быть беде.

Вот, например, моя подружка Вика. Красавица, между прочим, манекенщица. От разнокалиберных поклонников отбоя нет – она этим вовсю пользуется, предпочитая необременительные романы, легкие и яркие, серьезным отношениям. Многие воспринимают Вику как бабочку-однодневку: голубые глаза да загорелые ножки, а за душой ничего. Напорхается, подвянет – ну и кому она будет тогда нужна, такая легкомысленная? Но Вика прекрасно понимает: это они из зависти.

– А зачем мне замуж? – говорит она, для убедительности широко распахивая и без того огромные синие глазищи. – Не хочу под венец, это же глупо! И потом, за кого? Если за Костика, то куда я дену Васю? А тем более – Кирилла? Нет, мне подавай все и сразу!

Она считает, что видит вперед лет на двадцать.

— Когда мне стукнет сорок, я все еще буду очень даже ничего. — При этих словах Вика искоса смотрит в зеркало, а если такового поблизости нет, то достает из сумочки «Луи Витон» пудреницу «Кларанс» и под предлогом устранения жирного блеска на носике принимается в который раз изучать свою безупречную (ну не к чему придаться!) мордашку. — Что ж, когда мне исполнится сорок, переключусь на семидесятилетних донжуанов! А что, многие из них довольно прыткие!..

У Вики есть квартирка — пусть однокомнатная, зато на Патриарших прудах, есть машина — пусть подержанный, зато «Мерседес», есть раздвижной стенной шкаф, забитый доверху дизайнерскими шмотками, есть несколько золотых колец, которые в разное время дарили ей претенденты на ее холеную руку и холодное сердце.

Наивные! Окольцевать нашу Вику сложнее, чем сделать пирсинг разъяренному гиппопотаму! Виктория, как никто другой, умеет кромсать в клочья мужские сердца и потрошить мужские бумажники.

И вот однажды эта самая Вика позвонила мне в четыре утра и как-то странно — умоляюще и в то же время жестко — бросила в трубку:

— Срочно приезжай в «Серну»! Моя жизнь рушится. Я больше не могу держать это в себе.

По ее тону я поняла, что спорить бесполезно. Вика про-

сто не возьмет в расчет, что на дворе ночь, зима, что метро не работает, а я в розовой байковой пижаме под одеялом из гусиного пуха еще досматриваю увлекательнейший сон, где темноволосый, в меру мускулистый незнакомец распахивает передо мной дверцу своего кабриолета со словами: «Единственная! Я увезу тебя на край света!..» Нет, Вике, по всей вероятности, настолько плохо, что ей на моего незнакомца наплевать.

– Только ты побыстрее, – бормочет она, – а то у меня будет истерика.

Что делать, натягиваю шубу прямо на пижаму, приглаживаю ладонью волосы, на всякий случай кладу в карман паспорт (сами догадайтесь, в какую историю может влипнуть молодая красивая девушка, разгуливающая в розовой пижаме по ночной Москве), залезаю в сапоги.

Вопреки обыкновению Вика не опоздала – она ждала меня за угловым столиком, и в руках у нее была – о ужас! – пицца с двойным моцарелло. Совсем плохи дела, констатировала я, глядя, как Вика, которая маниакально подсчитывает каждую употребленную калорию, нервно уплетает пропитанное маслом тесто. Вика меня не сразу заметила. И я ею невольно залюбовалась. Красивая...

– Маша! Ну наконец-то! Я тебя тут целую вечность жду!

– Я приехала через сорок минут. Неплохо для человека, которого разбудили среди ночи.

– Не будь занудой. До твоего дома отсюда максимум пол-

часа. Признайся – наводила марафет?

– Нет, стояла в пробке на Садовом, – сонно пошутила я. – Ладно, рассказывай. Что случилось-то?

Вместо ответа Вика протянула мне ухоженную ручку, на пальце тускло блестело незнакомое кольцо. С виду обычное серебро с камушком-стекляшкой. Но я-то знаю, что стекляшек Вика не носит. Так что скорее всего это бриллиант в платине.

Все ясно, Викуле сделали очередное предложение. И, ради того чтобы немедленно об этом сообщить, она не постеснялась выдернуть меня из кровати и не дать мне досмотреть сон – куда же все-таки завез бы меня брюнет в кабриолете?

– В подворотню завез бы, трахнул, а потом бы и ограбил еще! – ехидно сказала Вика, и только в тот момент до меня дошло, что я думала вслух. – Маш, разве можно садиться в машины к незнакомым мужикам? Даже к симпатичным брюнетам, даже во сне? Мы же давно уже решили, что все они... – Она задумчиво нахмурилась, подбирая хлесткое определение.

– Все, кроме одного? – кивнула я на новое кольцо.

А Вика вдруг покраснела, хотя смущение ей вообще не свойственно. По тому, как просветлело ее лицо и забегали глазки, я поняла, что на этот раз все куда серьезнее.

В этот момент она и произнесла сакраментальное:

– Маша, ты не поверишь, но я встретила Идеального Мужчину!

– Начинается. Выпью-ка я, пожалуй, «Маргариту».

– И я с тобой. – Вика отрешенно просигнализировала за-
сыпающему на ходу официанту. – Только не надо делать та-
кое лицо. Я и сама в шоке. Я влюбилась.

– Вижу. И кто он? – спросила я, ожидая услышать что-то
вроде «да так, обычный нефтяной магнат» или «вице-прези-
дент банка», на худой конец «предприниматель, работает в
Нью-Йорке».

Но услышала невообразимое:

– Студент.

– Кто?

– Студент, – раздраженно повторила она. – Тебя что-то
смущает?

– Да нет... То есть... раньше бы ты... Слушай, а давай
выпьем!

– Выпьем, успеем. Ты права. Раньше я и не взглянула бы
на него! Ты на меня посмотри! В кого я превратилась. Не
женщина с горячим сердцем, а бездушная кукла. Только о
выгоде думала. Не могу так больше. А теперь я поняла, что
теряла все эти годы. Он... он такой... Если бы ты только зна-
ла!

– И где же он учится?

– В университете. На экономическом. Между прочим,
идет на красный диплом. – В Викином голосе явно угадыва-
лась гордость собственницы. – Летом он проходил практику
в известной американской компании, и они готовы взять его

на работу, когда он закончит. Он карьерный, перспективный мальчик. У него золотая голова. Ох, да что там голова, видела бы ты его тело... – Она мечтательно заулыбалась. – И потом, чтобы быть женой генерала, надо выйти замуж за лейтенанта.

– Раньше ты сразу генералов предпочитала.

– Не будь занудой. Я ошибалась.

Я посмотрела на ее колечко:

– И откуда же у бедного студента деньги на бриллианты и платину?

Вика изумленно взглянула сначала на меня, а потом, перехватив мой взгляд, на свою руку.

– А, ты это имеешь в виду. Так это же серебро. Обычное серебро, на Арбате за сто рублей купили. Откуда у него деньги на платину, ты что?

И в этот момент я поняла, что дружеские советы Викуле не нужны. Она по уши влюблена в своего Идеального Мужчину. А нам, ее подругам, только и остается, что ждать подвоха.

Надо сказать, долго ждать не пришлось. События развивались стремительно. В декабре Вика получила в дар кольцо. Новый год она встретила, вопреки обыкновению, не с нами в модном клубе, а в квартире своего Идеального – строгала вместе с его мамой салатики, играла с его отцом в домино, выгуливала его апатичного старого пуделя и ловила от всего этого своеобразный кайф.

В начале февраля Вика позвала нас в гости – и не просто так, а чтобы показать платье. Само собой, свадебное. Платье было шикарным, белым, пышным. Сильно декольтированным. В нем Викуля выглядела одновременно невинной и соблазнительной – короче, именно такой невестой мечтает со временем стать каждая из нас. Мы едва не прослезились и, понятное дело, отметили Викино платье запретной калорийной пищей и красным вином.

В День всех влюбленных они наконец подали заявление. А еще через неделю Идеальный Мужчина занял у Вики несколько тысяч долларов.

– Я сам хочу заказать свадебное путешествие, любимая, – сказал он, загадочно улыбаясь. – Пусть это будет для тебя сюрприз. Конечно, когда я начну работать, деньги я тебе верну. Я считаю, что мужчина должен зарабатывать, а женщина тратить.

Это было у них в порядке вещей. У Вики всегда водились деньжата, студент часто у нее перехватывал, но такую сумму взял впервые. Все-таки свадебное путешествие...

На том истории конец. Викиному волшебному роману тоже. Идеальный Мужчина исчез, сгинул, пропал и даже не позвонил на прощание. По его домашнему номеру долго никто не отвечал, а потом все-таки трубку взял какой-то незнакомый мрачный мужик с кавказским акцентом, который объяснил, что такие здесь давно «нэ живут» и большая просьба его звонками «нэ бэспокоить»...

– Прекрати ты его искать, обычный аферист, – уговаривала я Вику.

– Но неужели он мог так со мной поступить из-за такой ничтожной суммы?! – убивалась она.

– Тебе было бы легче, если бы он спер миллион?

Конечно, в конце концов Вика успокоилась – характер у нее на зависть легкий. Сейчас у нее все в порядке. Встречается с владельцем казино. А по совместительству – с модным стриптизером. И еще с рок-певцом – пока не очень популярным, зато невероятно сексуальным. Замуж Вика не собирается и, похоже, не соберется никогда.

Теперь представьте себе выражение наших лиц, когда наша общая подруга Ольга объявила:

– Девчонки, вы не поверите, но я встретила Идеального Мужчину.

– Это как заклинание, – пробормотала Вика. – Этих слов ни в коем случае нельзя произносить. Посмотрим, что этот выкинет.

– Да брось ты, – отмахнулась Оля. – Если тебе один раз не повезло, то это вовсе не значит, что все мужики сволочи.

Ольгин Идеальный Мужчина бедным студентом не был. Даже скорее наоборот. Во-первых, он давно уже вышел из студенческого возраста – было ему лет тридцать семь. А во-вторых, что-то он там удачно продавал и перепродавал и неплохо на этом зарабатывал. Во всяком случае, в первую же неделю знакомства счастливой и влюбленной Ольге бы-

ли продемонстрированы двухэтажная квартира на Кутузовском, три шикарных новеньких авто и телохранитель по имени Вова с фигурой Кинг-Конга и задумчивым выражением лица.

Бизнесмен был настроен решительно. Через две недели после знакомства он отвез Ольгу на дорогой испанский курорт. Там душной жаркой ночью он сказал ей, что влюблен. По возвращении в Москву последовало предложение – все как полагается: в мрачноватой нише пятизвездного ресторана, с цветами, шампанским и порывистым припаданием на одно колено.

На этот раз Оля собрала нас в пиццерии, чтобы продемонстрировать кольцо. Олино колечко было золотым – в серединке поблескивала виноградная гроздь из мелких мутно-зеленых изумрудиков.

– Наверное, он просто устал от одиночества, – тараторила она, азартно уничтожая двойную «Пепперони» (в кульминационные моменты мы с девчонками забываем о диете). – Он сказал, что полгода я буду жить в его домике в Швейцарии, а полгода здесь, в Москве. Рождество встретим на Ямайке, туда же отправимся в свадебное путешествие. Ой, девочки, он же предложил мне задуматься о ребенке! Первенца мы решили назвать Глебом, в честь его бабушки...

Теперь уже Ольга увлеченно готовилась к бракосочетанию, а мы изо всех сил ей сочувствовали.

– Хочешь, возьми мое платье? – предложила Викуля. –

Мне все равно оно никогда не понадобится. Я все-таки решила, что брак не для меня.

– Нет уж, оно у тебя несчастливое, – испуганно отмахнулась Ольга.

Зря боялась. Ее несостоявшийся супруг и без всякого платя вскоре наглядно доказал, что идеальных мужчин все-таки не бывает. Нет, он не пропал бесследно, не бросил ее, рыдающую над свадебным нарядом. Он даже вроде бы не изменил своего к ней отношения.

Просто в один прекрасный день не без помощи одного светского сплетника Оля узнала, что ее жених давно и прочно... женат. Женат на тихой художнице с модельной внешностью, которая большую часть года живет в его домике в Швейцарии, а в Москве появляется эпизодически.

Рыдала Ольга три дня. Сколько пицц было съедено, сколько вина выпито, сколько ругательств отправлено в адрес подлого обманщика! Незадачливый жених звонил ей, но она даже трубку не брала.

В конце концов мы уговорили Олю объясниться с ним. Всем было интересно, что за аргументы приведет он обманутой невесте в свое оправдание.

– Как ты мог?! – орала Ольга. – Мы же собирались на Ямайку! И как же наш ребенок, которого ты хотел Глебом назвать!

– Котик, ну я же не знал, что ты отнесешься к этому так серьезно, – невозмутимо возразил несостоявшийся двоеже-

нец. – Это была такая чудесная игра! Мы так мечтали. Так мило планировали...

Итак, идеальных мужчин не бывает. Я была уверена в этом на все сто. Пока однажды...

Глава 1

Однажды я встретила Идеального Мужчину. Спрячьте, пожалуйста, ехидную ухмылку, она здесь неуместна. Уж я-то понимаю, о чем говорю. Если в Викином и Ольгином идеалах мне с самого начала виделась какая-то червоточинка (студент, например, неаккуратно ел – чавкая и разбрасывая вокруг крошки, а «двоеженец» был толстоват и одышлив), то мой-то был идеален на все сто.

Я встретила его и ненадолго сошла с ума.

И вот как это получилось.

Не помню, кто привел меня в тот небольшой закрытый клуб на Никитской улице, попасть в который сложнее, чем на прием к президенту. Держит это заведение один весьма известный театральный деятель – все члены клуба являются его личными гостями, случайных людей практически нет. Атмосфера – светская гостиная девятнадцатого века. Антикварная мебель, старинное фортепьяно, глубокие кресла с потертой бархатной обивкой. Нет, это место нельзя назвать пискom моды. Сюда приходят не светские тусовщики, чья основная цель продемонстрировать окружающим новые эксклюзивные туалеты и новых любовников и любовниц, а солидные люди – просто расслабиться в полудомашней атмосфере. Тихо попить чай с пирожным, а то и коньячок под приглушенную ретромузыку.

Самое главное – тем душным летним вечером я почему-то оказалась в этом примечательном заведении в гордом одиночестве. За окном от жары асфальт плавился, а мое настроение опустилось ниже нуля. Причина? Да много было на то причин... Стремительно завершившиеся отношения с женщиной, который в самом разгаре романа вдруг решил, что ему необходимо переехать на постоянное местожительство во Францию. Нет, влюблена в него я не была, но все-таки обидно, что столько времени потратила на того, о ком впоследствии, когда схлынет грусть, буду говорить презрительно: да так, ничего особенного... Отсутствие работы, из неприятной случайности давно перешедшее в стиль жизни. Соответственно, отсутствие денег – почти полгода перебивалась случайными заказами. В общем, болото, из которого, как я вдруг поняла, надо срочно выбираться! Найти новую замечательную работу и нового замечательного мужчину. Обо всем этом я размышляла тоскливо над остывающим чаем без сахара и без лимона – ни на что другое денег не хватило.

И вдруг...

– Девушка, а не угостить ли вас черной икрой?

Погруженная в вязкие глубины мрачных мыслей, я не сразу поняла, что заманчивое гастрономическое предложение адресовано мне. Досадливо вздохнула – нет, герои моего романа знакомятся не так.

Есть в модных московских местечках не слишком прият-

ная деталь – изобилие стареющих похотливых донжуанов, обладателей толстых кошельков, толстых животов и толстых запуганных жен. Персонажи эти весьма живо реагируют на незнакомых стройных блондинок, относясь к девушкам как к красивым дорогим игрушкам.

Так что я обернулась, чтобы интеллигентно отшить любителя угощать незнакомок деликатесами. Обернулась – и осеклась. Над моим столиком навис гибрид Джорджа Клуни и Леонардо Ди Каприо. Честное слово, я не преувеличиваю! Он был хорош, как голливудский герой, как мачо с рекламного плаката нижнего белья. Вкрадчивая улыбка Клуни и холодноватый взгляд Ди Каприо, брови и загар Клуни, а ямочки на щеках, безусловно, от Лео... Одним словом, чудо природы.

Язвительная шутка, которой я приготовилась наградить зарвавшегося нахала, застряла в моем горле – я смотрела на него и ни слова произнести не могла. Безусловно, он прекрасно знал, как большинство женщин на него реагирует, поэтому моя томная заторможенность его не удивила. К тому же он решил, что затянувшееся молчание означает приглашение, и уселся за мой столик.

– Меня зовут Арсений. – Он протянул загорелую крупную ладонь, которую я мягко пожала.

«Еще бы. Такое чудо никак не может зваться просто Васей», – подумала я, производя на свет лучшую из своих улыбок, медленную и загадочную.

– Маша.

– Машенька, – повторил он медленно и полувопросительно, словно пробуя мое имя на вкус. – Вам это имя подходит.

Что-то бесшумно оборвалось в моей груди. Мое сердце замерло и, глухо ухнув, покатилося по наклонной плоскости вниз, постепенно набирая скорость. Слышали бы вы, как он это произнес – Машенька...

Машенька...

Я знала его меньше пяти минут, а мне уже отчаянно хотелось, чтобы он повторял мое имя снова и снова (вот дура, да?). Чтобы он смотрел на меня, улыбаясь, и говорил: «Машенька... Машенька...»

– Так что вам заказать?

– Вы, кажется, обещали черную икру...

– Нет проблем. – Он белозубо улыбнулся и подозвал смазливую официантку, которая едва не выпрыгивала из своей чересчур короткой юбки, чтобы ему угодить (так, еще один опасный симптом, все окружающие девушки стали казаться мне наглыми хищницами). – Нам, будьте добры, блинчики с черной икрой и... Маш, что будем пить?

– Коктейль «Сладкая жизнь», – разошлась я. Уж если есть черную икру в компании почти что Джорджа Клуни, так и запивать ее надо любимым коктейлем южных миллионеров – шампанское, разбавленное свежавыжатым клубничным соком.

– А почему вы одна? – любопытствовал Арсений, ис-

подтишка меня разглядывая.

Я беззвучно похвалила себя за то, что в тот вечер не поленилась сменить излюбленные льняные штаны на обтягивающее «маленькое черное платье».

– Иногда я бываю самодостаточной. А вы? Вы почему один?

– Да потому что одинок, вероятно! – рассмеялся он.

А я недоверчиво улыбнулась: он? одинок? Значит, либо вокруг него ходят слепые женщины, либо в нем есть какой-то изъян, настолько серьезный, что бархатный взгляд и сексуальная улыбка меркнут рядом с ним, как электрическая лампочка в свете малой планеты. Есть, конечно, еще один вариант, наиболее вероятный, – Арсений этот, как и большинство красавчиков, убежденный Казанова и отъявленный лгун.

– Предлагаю выпить за вас, Машенька.

Черт, опять он это сказал – Машенька...

– Тогда и за вас, Арсений.

За розовато-пенным коктейлем мы перешли на «ты». Я немного освоилась, но все равно чувствовала себя несколько скованно. Перед тем как произнести что-нибудь, несколько раз прокручивала фразу в голове, боясь ляпнуть что-нибудь лишнее и тем самым разочаровать собеседника.

Поговорили о московской ночной жизни. Выяснилось, что ходим мы в одни и те же клубы, даже странно, что я не видела его раньше. Обнаружилось даже несколько общих знакомых. Он явно обрадовался, а я не очень, потому что

среди знакомых этих оказалась моя приятельница, манекенщица Люська, девушка легкомысленная и цепкая, даже чересчур. Я тут же прикинула: явно Арсению и Люське довелось встретиться не на светском рауте, а в одной койке – на худой конец, на заднем сиденье Люськиного задрипанного «Фольксвагена». Ни за что не поверю, чтобы эта длинноногая стервоза упустила такой экземпляр.

– Людмила – девушка моего близкого друга, – вдруг сказал он. Может быть, заметил, как меня при упоминании ее имени перекосило? – Она манекенщица. Ты тоже?

– Была когда-то.

– Почему же бросила?

– Слишком грязный бизнес. Да и возраст не тот.

– Скажешь тоже! Тебе двадцать?

– Двадцать два. Если к таким годам я успеха на подиуме не добилась, значит, и не добьюсь уже. А ты? Ты что, тоже модель?

– Нет. – Он рассмеялся, еще раз продемонстрировав безупречность сахарных зубов. (Интересно, свои или фарфоровые?) – Не мужская это профессия. У меня свой бизнес... Но это не важно. Я мечтаю заниматься музыкой.

– Как интересно! – Я подалась вперед. – Ты играешь или поешь?

– Ни то ни другое. Хотя на гитаре бренчу, конечно. И музыкальную школу окончил по классу фортепьяно. Я мечтаю стать продюсером. Раскрутить какую-нибудь талантливую

вую группу. Планирую заняться этим в ближайшем будущем... Ты, кстати, сама-то не поешь?

– Скорее вою. Если тебе понадобится сорвать караоке-вечеринку, пригласи меня.

– Жаль. Ты такая эффектная, хорошо бы на сцене смотрелась.

В общем, беседа наша была легкой, приятной и ни к чему не обязывающей. Такой слегка подкрашенный игристым вином разговор – коктейль из светского трепя и ненавязчивого флирта. Арсений признался, что любит белый чай, я ответила, что с ума схожу по горячему шоколаду. Он рассказал, что недавно вернулся из Парижа, я ответила, что в Париже никогда не была, хотя давно мечтаю, зато на днях собираюсь рвануть в Питер – покататься на виндсерфинге. Почему-то это его заинтересовало.

– Любишь скорость?

– А то!

– Скорость – это мой единственный запасной выход, – серьезно сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Если мне надо отвлечься, если у меня депрессия, достаточно выехать на пустынное шоссе и разогнать мотоцикл. Когда летишь по ночному шоссе и ветер в лицо, все проблемы отступают на второй план.

– А ты романтик...

– Наверное. Так было с детства. У меня мотоцикл с три-

надцати лет.

– Ничего себе!

– Я же не из Москвы, а из... Ладно, не будем об этом, – вдруг стушевался он. – В общем, из маленького города. Там это обычное дело. Все пацанята гоняют на мотоциклах... А сейчас у меня три мотика.

– Вот здорово! – воскликнула я.

Сама я всегда мечтала оказаться за рулем летящего «железного коня». Мой мотоцикл непременно был бы ярко-красным, спортивным. Иногда я об этом мечтаю – вот я, в облегающем кожаном комбинезоне, лихо паркуюсь у какого-нибудь многолюдного летнего кафе, и все смотрят восхищенно: кто же этот бесстрашный райдер? И тут я снимаю закрытый красный шлем и встряхиваю легкомысленно светлыми кудряшками. А разлетающиеся волосы блестят на солнце, как в рекламе шампуня...

Э-эх, а жаль все-таки, что у меня стрижка короткая и прав нет...

Два с половиной часа сидели мы в том клубе друг напротив друга. Блинчики были съедены, выпит почти десяток сладких коктейлей. О чем мы только не говорили. Под конец я совсем расслабилась, мне стало казаться, что я знаю этого непозволительно красивого Арсения уже много лет. Много лет – и за это время все было между нами: и страсть, и ревность, и почти ненависть, переходящая снова в страсть...

Он оплатил счет и посмотрел на меня вопросительно. Вот

он, сакраментальный момент. Скажет ли он: «Было очень приятно познакомиться, спасибо за прекрасный вечер, до свидания», – или...

Или! Или! Бог мой, сделай так, чтобы было или!

– Маша, а можно проводить тебя до дома?

Я расслабленно улыбнулась. Нет, зря я волновалась – не могла же Фортуна, приласкав меня, тут же грубо оттолкнуть? Это был мой вечер, и все складывалось так, как хотелось мне.

– Конечно. Только живу я далеко.

– Это даже лучше. Не хочется расставаться так быстро.

Мы вышли на улицу, июньский вечер заключил нас в фамильярные душноватые объятия. Сладко пахло акацией, встречные прохожие были одеты по-летнему легкомысленно. Мимо нас прошла пухленькая школьница в леопардовом лифе от купальника и микроскопических шортиках. Арсений проводил ее взглядом, мой взгляд ревниво метнулся вслед, и я подумала, что с такими ногами, как у этой незнакомой девчонки, носить шорты вообще противопоказано. Подумала и тут же себя одернула – да я, похоже, ревную! Нельзя так распускаться, а то превращусь в истеричную мегеру. В конце концов, он о толстоногой прелестнице и думать уже забыл. Он со мной. Со мной!

– Хорошо бы сейчас на море, – улыбнулся Арсений.

– На необитаемый остров! – живо поддержала его я.

– Да хоть на остров, хоть в Сочи. Лишь бы окунуться...

Маш, а поехали в Серебряный Бор?

– Что, прямо сейчас? – осторожно поинтересовалась я, одновременно пытаюсь вспомнить, какое на мне нижнее белье. Неужели хлопчатобумажный старушечий вариант – белые панталончики в линияло-голубой горошек?! Сто раз давала себе клятвенное обещание носить только сексуальное белье. Но поздним вечером так не хочется обременять себя стиркой... а панталончики вот они, в шкафу, и приятно пахнут лимонным отбеливателем...

– Ты права, давай завтра. Или у тебя уже есть на завтра планы?

– Нет, – сказала я, пожалуй, чересчур поспешно, – никаких планов, никаких перспектив.

– Значит, договорились. Я заеду за тобой в полдень.

– Договорились.

– А вот и мое авто. Прошу! – И он галантно распахнул передо мной... дверцу светло-серебристого «БМВ»-кабриолета! Мама дорогая, у этого двойника Клуни был кабриолет, новенький, вытянутый, как стрела, невозможно красивый! Именно в тот момент я и поняла: передо мной Идеальный Мужчина.

По-другому и не скажешь.

Конечно, едва добравшись до дома, я, не снимая уличных туфель, прогалопировала на кухню, к телефону. Мне необходимо было срочно рассказать о случившемся подругам. Первой я позвонила Викуле. Та, к счастью, оказалась дома – в кои-то веки пренебрегла заманчивыми возможностями лет-

него вечера ради того, чтобы навести порядок в собственном гардеробе.

– Не поверишь, столько хлама скопилось, столько хлама, – устало пожаловалась она. – Никогда бы не подумала, что у меня четырнадцать купальников! Четырнадцать! Куда мне столько?.. Так нет, завтра опять поеду за новым...

– А ты не покупай новый, – посоветовала я. – И вообще, всем бы твои проблемы.

– Ну вот, даже ты меня не понимаешь. Ну как я могу не купить, если в этом сезоне носят вязанные, а у меня такого нет. И потом, кто бы говорил, у тебя самой двадцать восемь сумок.

– Тридцать две, – машинально поправила я. Ничего не могу поделать: сумки – это моя маленькая слабость.

– Ладно, лучше расскажи, как твои дела.

И конечно, я не без удовольствия выложила ей все. Про то, как он предложил угостить меня черной икрой. Про то, какой у него взгляд. Какие губы, какая фигура, какое чувство юмора и какой, само собой, кабриолет. Вика слушала не перебивая, что вообще-то ей не свойственно.

– Ну что? – поторопила я ее. – Что ты обо всем этом думаешь?

– Думаю, что ты сошла с ума, – к моему удивлению, ответила Вика. – Стройный брюнет с безупречными манерами за рулем серебристого кабриолета. И зовут его к тому же Арсений. Что за бред?

– Ты мне не веришь?!

– Нет, почему же? Просто мне кажется, что тебе надо бежать от него... пока не поздно.

– С ума сошла?! Да я никогда в жизни никого лучше не встречала. Завтра мы едем в Серебряный Бор...

– Дело, конечно, твое, – вздохнула Вика. – Только потом не говори, что я тебя не предупреждала, ладно?

– Да почему ты так взъелась?

Я не узнавала свою подругу. Вика, обычно такая доброжелательная, такая снисходительная к чужим слабостям... И эта совершенно глупая категоричность. А может быть... Нет, поверить в это не могу, но все-таки, может быть, Виктория мне просто завидует?! У нее-то в данный момент на личном фронте не фонтан. То есть поклонников, конечно, как и у любой красавицы, много... Но все они какие-то, как она сама цинично выражается, уцененные. Кто-то из них заманчиво богат, но обладает несносным желчным характером. Кто-то душа компании, но безнадежно некрасив. Кто-то красив и романтичен, но беден. А мне неожиданно встретился экземпляр, сочетающий все положительные мужские качества. И даже больше – ко всему прочему, он начитан, обладает тонким вкусом... и, стало быть, достоин того, чтобы в него влюбиться.

– Короче, я свое мнение высказала, а дальше решай сама, – сказала Вика.

Распрощались мы холодно. Конечно, я сразу же по-

звонила Ольге. На этот раз повода было два – рассказать об Идеальном Мужчине и пожаловаться на несносную, завистливую Викулю.

Ольга мои ожидания оправдала. На рассказ о необыкновенном Арсении она отреагировала именно так, как и должна была отреагировать лучшая подруга, – восторженно, с тихим вздохом.

– Я всегда верила, что такое бывает, – сказала Оля. – Надеюсь, и со мной в один прекрасный день случится что-нибудь подобное... Подумать только! Как в кино.

– А вот Вика считает, что я должна бежать от него подальше.

– Нашла кого слушать! У Вики в последнее время что-то с мужиками не складывается, вот она и бесится.

– Ты считаешь, я должна на нее обидеться?

– Я считаю, ты должна ее пожалеть. И вообще, зачем забивать себе голову всякой ерундой? Когда ты влюблена. Когда лето. Когда у тебя завтра свидание, а ты наверняка еще не сделала эпиляцию!

– Оля, – укоризненно усмехнулась я. – Во-первых, сейчас, как ты заметила, лето, так что я постоянно делаю эпиляцию. А во-вторых, почему ты считаешь, что первое свидание обязательно должно закончиться гордой демонстрацией проэпилированных частей тела?

– Я разве что-то такое сказала? Просто мне казалось, вы на пляж идете...

– Да. Блин, а у меня прошлогодный купальник.

– Попроси у Ви... Ой, прости. Я имела в виду, что если бы Вика повела себя по-другому, то можно было бы взять бикини у нее.

– Спасибо, что напомнила, – помрачнела я. – Ладно, придется обойтись прошлогодным. В конце концов, не так уж он и плох, правда, немного выцвел. Сойдет... И все-таки почему она повела себя так странно?

– Все, я отсоединяюсь. Не забивай голову ерундой!

– Ладно, – вздохнула я и побрела к шкафу – искать купальник. А также парео, соломенные шлепанцы и белоснежные мини-шорты. Предстану перед ним в образе этакой сексапильной дачницы. Это должно произвести на него впечатление, ведь все говорят, что мне необыкновенно идет дачный стиль.

Я успокаивала себя как могла, и все-таки странный неприятный осадок остался внутри. Ну почему, почему Вика все это мне сказала? Она же считается одной из лучших моих подруг! Почему она слушала меня так напряженно, почему она так нервно посоветовала бежать от Идеального Мужчины подальше?

Почему, почему, почему?

Глава 2

На следующий день отшелестела вторая глава необыкновенной сказки под названием «Идеальные романтические отношения». Арсений приехал за мной ровно в двенадцать, как и обещал. Выглядел он еще лучше, чем вчера, – на нем были просторные белые штаны и стильная льняная безрукавка. Он словно с подиума сошел.

Поцеловал меня в щеку, приобняв за талию. Вскользь отметил, что в мини-шортиках я смотрюсь божественно (он так и сказал, так и сказал!). Вручил мне огромный букет цветов – чего в нем только не было: и яркие пятна сочных маков, и несколько темных роз, и россыпь каких-то мелких белых цветочков, и темно-зеленые листья папоротника. Букет был обернут в прозрачную подарочную бумагу и выглядел шикарно. Мне даже неудобно стало – такие цветы дарят разве что оперным певицам мировой известности. На одной из розочек болталась визитная карточка, привязанная к стебельку тонкой золотой нитью. Я прочитала: дизайн-студия «Флора». Значит, Арсений заказал букет у дизайнера. Не просто купил цветочки в ларьке у метро, а специально съездил в какую-то студию, чтобы выбрать то, что уж точно сразит меня наповал.

Сказать, что я была польщена, значит, не сказать ничего. Через несколько часов выяснилось, что он приглашал ме-

ня вовсе не на дикий пляж. Оказывается, Арсений арендовал на все лето домик в Серебряном Бору, у самой воды.

– Я приезжаю сюда несколько раз в неделю, – объяснил он. – С удовольствием жил бы здесь все время, но мой офис находится на Маяковке, ехать слишком далеко... Поэтому на Тверской у меня квартира, а здесь что-то вроде дачи.

«Ничего себе дача!» – ахала я, бродя по шикарно обставленному особнячку. В моем понимании дача – это полуразвалившаяся сараюшка на шести сотках (два часа на электричке, еще час в переполненном автобусе), окруженная огородом, на котором произрастают ухоженные картошка и клубника, и все это надо полоть, полоть, полоть... Домик же Арсения ничего общего с данным видеорядом не имел. Располагался он у самой воды, в тени нескольких высоких сосен. Был снабжен всеми удобствами цивилизации – горячая вода (во время торопливой экскурсии по дому я даже заметила джакузи), телевизор со спутниковой антенной, московский телефон.

Весь первый этаж занимала гостиная, обставленная в стиле «минимализм». Пушистый белый ковер, несколько прямоугольных диванчиков, настоящий, не электрический, камин и прозрачный, накрытый к обеду стол. Бегло осмотрев приготовленные закуски, я прикинула, что этого хватило бы на фуршет для компании из десяти человек. Но на столе стояло всего два прибора. А значит, все это Арсений предусмотрительно приготовил для нас двоих.

Признаться честно, я немного растерялась. Мне показалось, что мой легкомысленный наряд дачницы здесь неуместен. Я-то надеялась провести день на залитом солнцем пляже, а попала чуть ли не на званый обед.

– Что-то не так? – Арсений заметил, что я поскучилась.

– Что ты! Все замечательно!

– Извини, я с тобой не посоветовался... Заказал еду на свой вкус. Здесь устрицы... И лягушачьи лапки. Авокадо, фаршированные крабами. Икра, ты же любишь икру, да?

– Кто ж не любит! – резонно заметила я.

А он все перечислял деликатесы, и скоро от незнакомых названий у меня закружилась голова. Честно говоря, я не гурман. Предпочитаю еду простую и функциональную – овощи, куриное филе, сыр... Хотя лягушачьи лапки – это, наверное, тоже не так плохо... Хорошо, что ему не пришло в голову заказать в ресторане излюбленный деликатес испанских провинций – сырые бычьи яички.

– А еще у меня для тебя сюрприз! – вдруг торжественно сказал он.

– Вот как? Обожаю сюрпризы.

– Тогда садись за стол. – С приглушенным щелчком он открыл бутылку шампанского, которая ждала нас в специальном серебряном ведерке со льдом. – Я хотел бы сделать тебе небольшой подарок, – сказал Арсений, когда золотистая жидкость была разлита по бокалам.

– Подарок? – недоуменно переспросила я.

– Так, ничего особенного. Сувенир. Знаешь, мне просто хочется, чтобы ты запомнила нашу первую встречу. – С этими словами он вручил мне характерную бархатную коробочку.

Я изумленно на него уставилась. Что бы это могло значить? На первом свидании не принято дарить ювелирные украшения.

Но коробочку все же пришлось открыть – он нетерпеливо ждал моей реакции. В ней было не кольцо. Браслетик золотой, с несколькими сапфировыми подвесками. Изящная вещица и дорогая.

– Арсений, но я не могу это принять. Это совсем не обязательно, наверное...

– Послушай, я просто хочу, чтобы ты носила это и вспоминала о том, как мы случайно встретились в том клубе, – перебил он. – Ну что в этом такого? Мне было очень приятно выбирать это для тебя. Давай, я помогу тебе застегнуть, а то ногти сломаешь.

Браслетик и впрямь смотрелся на мне так, словно был для меня создан. Откуда он узнал, что я люблю именно голубые камни? Вообще вся эта история пахнет мистикой. Случайно встретились, он выглядит как идеал и сразу же одаривает золотыми сувенирами... Но все же... Что-то здесь не так. Так не должно быть.

А может быть, он просто принял меня за девушку легкого поведения? А браслетик – это своеобразный аванс?! Ведь

тогда, в клубе, я сидела одна, на мне было черное коктейльное платье...

– Тебе не понравилось? Если хочешь, можно съездить в тот магазин и поменять на что-нибудь другое...

– Нет, он прекрасен, просто... Просто я так не привыкла. Он вскочил со стула и, обойдя вокруг стола, старомодно припал на одно колено. Если бы вы видели, как смотрел он на меня в тот момент! Будь мы знакомы немного дольше, я бы точно решила, что он собирается сделать мне предложение.

– Маша, я же тебе все объяснил. Этим подарком я ничего не имел в виду. Возможно, у нас будет серьезный роман, а возможно, через три дня мы навсегда расстанемся. В любом случае я хочу, чтобы ты носила этот браслет и иногда обо мне вспоминала. Вот и все...

А потом, потом был длинный летний день, золотой, томный. Мы загорали на пустынном пляже, с визгом бросались в не прогретую еще воду, играли в бадминтон, подобно чинной супружеской паре со стажем. Ходили на пляж смотреть на виндсерферов. Босиком гуляли по берегу. Над чем-то смеялись, как старые друзья. Задумчиво молчали – это хорошо, когда людям есть о чем помолчать вдвоем. В общем, это был замечательный день. И браслет с сапфирами так пригрелся на моем запястье, словно я носила его с детства.

Той ночью я долго не могла уснуть. Арсений доставил меня домой за полночь, а на прощание трогательно поцеловал в висок. Его старомодность показалась мне милой. Он даже

не пытался настаивать, чтобы я осталась на ночь в его доми-
ке в Серебряном Бору.

– А может быть, ты ему просто не понравилась? – ехидно
предположила Ольга, когда я поведала ей всю эту историю.

– Но такого просто не может быть! – горячо возразила я. –
Ты не понимаешь! Ты не видела, как он смотрел на меня! Как
со мной говорил! Нет, я ему понравилась, это совершенно
точно. И потом, послезавтра он пригласил меня на джазовый
концерт.

– Тогда странно, – помолчав, констатировала она. – Нет,
правда странно... В наше время владельцы особняков так
себя не ведут... Слушай, а может быть, он импотент?

– Нет!

– Откуда ты знаешь?

– Какие глупости! Так не бывает.

– И так, как ты рассказываешь, тоже не бывает. Если бы я
не знала тебя столько лет, ни за что не поверила бы.

– Сама верю с трудом. Жалко, Вике нельзя позвонить, она
что-нибудь точно придумала бы.

– Ты с ней так и не помирилась?

– Вот еще! Если она хочет помириться, ей придется про-
сить прощения.

– И все-таки этот Арсений ведет себя странно... – снова
переключилась Оля. – Подарить полужнакомой девушке до-
рогой браслет... Непонятный тип.

– А может быть, мы просто к такому не привыкли, – робко

предположила я. – Ведь не на каждом же шагу нам попадаются идеальные мужчины.

С Викой я так и не помирилась. Честно говоря, на это просто не было времени. Я была настолько увлечена развивающимися отношениями с Идеальным Мужчиной, что почти позабыла о том, что у меня есть подруги. Да и они меня не тормозили – понимали, наверное, что связываться со мной, почти влюбленной, бессмысленно.

А наш роман стремительно набирал обороты. Мне даже страшно становилось – уже почти месяц прошел, а Арсений продолжал казаться мне совершенством.

Он работал, все время упоминал какие-то контракты и сделки, поэтому видаться каждый день мы не могли. Зато, если уж виделись, это был праздник. Недолгие встречи, яркие, как романтические кинофильмы. Кино, камерные концерты в полупустых закрытых клубах, ночные купания в прохладной и грязноватой Москве-реке.

Конечно, были в нем некоторые странности... Деньги. Он болезненно относился к деньгам – казалось, для него было важно потратить как можно больше. Я не понимала, что это – показуха, ребячество? Мы обедали и ужинали в самых дорогих ресторанах города, Арсений уговаривал меня заказывать самые дорогие (притом не обязательно самые вкусные) блюда в меню. Он без всякого повода заваливал меня подарками, а если я говорила: «Не надо», – обижался, как ребенок, у которого отняли игрушку.

– Почему ты на метро? – спрашивал он. – Это так некомфортно, я не был в метро уже несколько лет. Давай, я подарю тебе машину. Главное – скажи, какой цвет ты предпочитаешь.

Или:

– У меня нет времени на отпуск, но почему бы тебе не съездить отдохнуть одной? Давай, я оформлю для тебя тур на Бали. Тебе там понравится, вот увидишь.

Но деньги – не самая раздражающая странность. Была и еще одна. Женщины.

Признаться, я не сразу это просекла. А потом заметила, конечно, уж слишком много знакомых женщин у моего Арсения. Он постоянно с кем-то здоровался, с извинениями оставлял меня одну на несколько минут – например, для того чтобы поприветствовать какую-нибудь томную мымру, сидящую за соседним ресторанным столиком. И потом эта мымра весь вечер чересчур пристально на меня поглядывала. Его мобильный телефон не умолкал ни на минуту. Иногда Арсению даже приходилось отключать назойливый аппарат.

– Партнеры по бизнесу трезвонят, – ясно улыбаясь, говорил он.

Но иногда мне слышался в трубке женский голос.

Встречались мы примерно три-четыре раза в неделю. Все остальные дни, подобно прожорливому червяку, точила меня мысль о том, что, возможно, мой Арсений сейчас кормит

устрицами и черной икрой какую-нибудь другую восторженную идиотку.

С одной стороны, я была рада свалившемуся на голову бесшабашному счастью, с другой – напряженно ждала подвоха. И дождалась-таки.

Это было ужасно. До сих пор, когда вспоминаю тот вечер, по спине волной пробегают мурашки. Никогда раньше не доводилось мне видеть такой некрасивый скандал...

Между тем начинался тот вечер волшебным. Арсений заехал за мной около восьми, предупредив заранее, чтобы я надела вечернее платье. Вечерних платьев у меня нет, зато есть знакомый модельер с несерьезной фамилией Муськин, который по-дружески выдает их напрокат для особо торжественных случаев.

На всех парах рванула я в мастерскую Муськина, занимающую чердачные помещения одного из элитных домов на Сретенке. Муськин был мне рад, напоил зеленым чаем и заставил примерить отвратительный наряд цвета подгнившей морковки – платье переливалось от ярко-оранжевого к буру-желтому. Было оно длинным, блестящим, на попе вызывающе торчал огромный шифоновый бант.

– Ты ничего не понимаешь! – отчаянно жестикулировал эмоциональный Муськин. – Маша, это же кич! Через пять лет так будут одеваться все! Все!

– Не хотелось бы опережать моду так надолго, – деликатно отказалась я.

– Ну и одевайся тогда, как лохушка с деревенской дискотеки, – поджал губы модельер, и я была допущена к огромному шкафу с раздвижными дверцами.

Муськин мечтает прославиться, как, впрочем, и все творцы. На мой взгляд, шансов у него мало – любимые платья Муськина выглядят, мягко говоря, диковато. Невообразимые сочетания цветов – красного и зеленого с золотым, например. Но вместе с тем предприимчивый Муськин шьет так называемые коммерческие модели – обычные платья и костюмы, имеющие вполне социально спокойный вид. Выкройки он берет в никому не известных западных каталогах, иногда украшает модель деталями собственного изобретения и непременно пришивает к каждому платьицу броскую серебристую этикетку с собственным логотипом – Musskin Production.

Одно из таких платьев, нежно-розовое, длинное, он с большим неудовольствием и выдал мне в тот вечер.

– Ты выглядишь скучно, – констатировал он, глядя, как я радостно верчусь перед зеркалом. – Давай, я хотя бы дам к нему шаль из моей основной коллекции!

– Нет! – перепугалась я.

Но Муськин уже исчез за бумажной ширмой в японском стиле. Вернулся он через несколько минут оживленный, бережно обнимая ворох каких-то блеклых перьев.

– Вот. Ты выступишь в образе падшего ангела, – вдохновенно сказал он, формируя перья на моих плечах.

Я промолчала – в конце концов, если я возьму перья, то это не значит, что они этим вечером действительно окажутся на моих плечах. Тоже мне нашел падшего ангела! Я позволила подвести себя к зеркалу. Скептически посмотрела на себя, готовая ужаснуться молча, и глазам своим не поверила.

То, что на первый взгляд показалось мне скомканными перьями, на деле оказалось нежным боа из гусяного пуха. Белый пух был выкрашен в ненавязчиво розовый цвет, как раз в тон платья. Конечно, гламур уже не в моде, но в данном случае я, что называется, «попала в образ». Я была похожа на голливудскую актрису тридцатых годов и поняла, что ни за что не сниму эти перья, даже если Муськин потребует их обратно, угрожая разделочным топориком.

...У Арсения даже взгляд потеплел, когда я вышла к нему навстречу в платье и боа. Мои волосы были собраны в высокую прическу, в ушах поблескивали крохотные жемчужинки.

– Ты прямо как какая-нибудь европейская принцесса, – похвалил он. – И потом, ты угадала мои мысли.

– Что ты имеешь в виду?

– На тебе жемчуг... – Он загадочно улыбнулся и жестом фокусника выудил из внутреннего кармана вечернего бархатного пиджака небольшой футлярчик. Я сразу поняла: опять что-то подарить хочет.

– Арсеник, мы, по-моему, договорились.

– Не понимаю, что тебя смущает. Вот, посмотри. – Он сам

открыл футляр и приложил к моей шее отливающую бледным закатом прохладную жемчужную нить. – Как специально к платью выбирал.

Я мельком глянула в боковое зеркальце и не нашла аргумента против. Это и правда выглядело мистическим совпадением. Арсений ведь действительно не знал, в каком платье я собираюсь выйти. Да я и сама не знала об этом еще утром. Волшебство! Судьба!

– А куда мы, кстати, едем? – спросила я, когда он лихо гнал кабриолет по Кремлевской набережной.

– Мы едем на теплоход! – объяснил Арсений. – Приглашает один мой знакомый. Он устраивает прием по случаю дня рождения его дочери.

Мы немного опоздали и оказались последними гостями, вступившими на борт. Еще бы пару минут – и переливающийся сверкающими электрическими гирляндами теплоходик отчалил бы от скромной пристани без нас.

Арсений представил меня хозяину торжества. Хозяина же представлять не было необходимости, потому что им оказался весьма известный политик, к тому же ведущий известной публицистической телепередачи.

– Дмитрий Веденеев. – Он мягко пожал мою протянутую ладонь. – Арсений, где ты берешь таких красавиц?

Это явно был комплимент, но его слова безжалостной пчелкой укололи меня. Он сказал «красавиц» – по всему выходило, что я не первая в длинной веренице тех, кто появ-

лялся в обществе под ручку с Идеальным Арсением. Конечно, глупо было бы думать, что человек с его данными ведет пуританский образ жизни, но я бы предпочла, чтобы эта информация осталась за кадром.

И еще мне показалось, что этот Веденеев смотрел на меня с явной неприязнью. Уж не знаю, чем я это заслужила, мы и знакомы-то были всего несколько минут. Его внимательный взгляд, как назойливый репейник, цеплялся к моему платью, украшениям, волосам, туфелькам. Сканировал, приценивался. Может быть, я просто напредила ему кого-то?

– Не обращай на него внимания, – шепнул Арсений, тихонько сжимая мой утонувший в перьях локоть. – Дмитрий вообще-то меня немного недолюбливает.

– Зачем же мы тогда сюда приперлись?

– Расслабься. Веселись. Ешь, танцуй, общайся. Извини, но мне просто надо было сюда попасть – по стратегическим причинам, – туманно объяснил он. – Я тебя оставлю ненадолго. Я мигом.

Я пожала плечами и отправилась на открытую палубу, где толпилась основная часть гостей. Трио набриолиненных мулатов в пижонских белых смокингах ненавязчиво играло джаз. Тонкокостные официантки (наверное, это были передетые манекенщицы) подиумной походкой дефилировали взад-вперед, поднося гостям огромные подносы с бокалами, миниатюрными пирожными, канапе и фруктами. Я польстилась на кусочек творожного торта. Честно говоря, я немного

обиделась на покинувшего меня Арсения. Зачем он вообще меня сюда привел? Я здесь никого не знаю, никто мной не интересуется, ни с кем мне не хотелось заговорить...

– Привет! – Звонкий девичий голос прозвучал над самым ухом.

Я обернулась, предварительно осенив лицо доброжелательной, светской улыбкой американской бизнес-леди – чи-и-и-з!

Девушка, остановившаяся передо мной, была мне незнакома. Хотя и очень хорошенькая, просто картинка. Пусть у нее и была скорее не природная, а вымученная в дорогих салонах красота – какая разница? – главное, что радовала каждая ее черточка, за которую цеплялся взгляд. Волосы цвета горного меда. У челки чуть светлее, на затылке почти каштановые. Гладкая, умело припудренная кожа. Блестящие перламутром, четко прорисованные губки. На ней была серая юбка от «Вивьен Вествуд» – не так давно я видела аналогичную в витрине в Столешниковом и едва в обморок не упала, поинтересовавшись ценой. И черный бархатный топик, приподнимающий ее круглую загорелую грудь.

– Привет. Мы знакомы?

– Пока нет. Меня зовут Таня. Таня Веденеева.

Я поняла, что это дочь нелюбезного Дмитрия, кажется, именно она и является хозяйкой сегодняшнего вечера. Я смутно припомнила: Арсений говорил что-то о ее дне рождения.

– С днем рождения! – улыбнулась я.

– Спасибо.

Девушка улыбалась и в упор, не стесняясь, меня разглядывала. Мне стало неловко – под пристальным взглядом холерной дочери политика вдруг захотелось суетливо пригладить волосы или поправить боа на плечах. И чего она вытираешься? Глаза, что ли, на мне забыла?

Глаза, кстати, у нее были не такие уж и красивые – выпуклые, бутылочно-зеленые и какие-то пустоватые.

– Прохладно, – сказала я, чтобы сказать хоть что-то.

– Есть немного.

– Мы раньше не встречались?

– Думаю, нет.

– Просто вы так на меня смотрите... – не выдержала я.

– О, простите! – Она не к месту рассмеялась, и только тогда я заметила, что девушка слегка пьяна. – Простите, но просто мне так любопытно.

– Любопытно?

– Любопытно, кто это с ним пришел. С Арсением. На этот раз.

Начинается! Я вздохнула обреченно – этого следовало ожидать давно. Значит, зеленоглазая Танечка – одна из бывших пассий моего Идеального Мужчины. Вот почему ее папаша так неодобрительно на меня смотрел.

– А ты ничего. Хотя и не топ-модель. – Она говорила это спокойным дружеским тоном, улыбалась даже. И в уголках

губ танцевали трогательные детские ямочки.

– Ты тоже. Не топ-модель.

– Знаю. Но я богата, – возразила она, на мой взгляд, совершенно не к месту. – А вот ты не очень. Судя по задрипанным перьям и уцененным туфелькам.

Мне стало обидно – да за кого эта толстоватая Танечка себя принимает? Допустим, она тоже не так богата, просто удобно устроилась за спиной своего могущественного отца. Да, ее жизнь проста и предсказуема, как диснеевский мультик, – престижная школа, какой-нибудь полузакрытый европейский колледж, курсы МБА, потом либо уютная роль беззаботной жены, доктора наук по трате чужих денег, либо тепленькое местечко в одной из папочкиных контор. Например, на телевидении. А что, мордашка у Танечки смазливая, из нее выйдет великолепная ведущая. А я на свои, как она заметила, уцененные туфельки (и правда купленные на рождественской распродаже), между прочим, сама заработала.

– Это не задрипанные перья, а наряд от известного модельера Муськина. – Я с достоинством поправила на груди боа. – Впрочем, вряд ли ты разбираешься в современном прет-а-порте.

– Верно. А зачем мне? У меня стилист.

Мы стояли друг напротив друга, нахохлившись. Как две деревенские бабы, честное слово. Вот-вот упрут руки в крутые бока и пойдут друг на друга. Как стыдно, как неприятно.

– Не понимаю, не понимаю: чего он в тебе нашел? – на-

хмурилась Танюша. – Впрочем, это не важно. Значит, есть в тебе что-то, раз нашел. – Она неожиданно примирительно улыбнулась. – Главное, сейчас здесь будет скандал.

– Ты хочешь устроить скандал?

– Я? Ни за что! – пропела она. – Для этого есть специально приглашенные люди.

– Что ты несешь? – разозлилась я. – Это угроза?

– Видишь, баба стоит, в зеленом?

Я проследила за направлением ее взгляда. На корме и правда одиноко стояла женщина лет пятидесяти в изумрудном бархатном комбинезоне. Она держала в ладонях запотевший бокал с шампанским и задумчиво слушала джаз.

– Баба как баба.

– Скажешь тоже! – фыркнула Таня. – Сейчас наш Арсюша появится, она его увидит и такое начнется!

– Почему?

– Увидишь, – загадочно пообещала Таня. – Ну, готовься, красавица, он идет... А ему хорошо в смокинге, не находишь? – Теперь она говорила так, словно мы были светскими подружками. Только улыбка ее казалась нервной. Но к тону не придерешься.

Действительно, на палубе показался Арсений. Да, черный смокинг с широким атласным поясом и впрямь был ему к лицу. Почему-то в тот момент мне подумалось, что он похож на исполнителя роли Джеймса Бонда.

Он остановился, поискал глазами меня, нашел, заулыбал-

ся. Я отметила, что он прекрасно видел вышеупомянутую даму в зеленом и не придал ее присутствию ровно никакого значения. Поверхностный такой взгляд – как равнодушно смотрят друг на друга люди в полупустом вагоне метро.

– Вот вы где, – заулыбался Арсений. – Вы подружились? С днем рождения, Танечка! – Он поцеловал ее смуглую щечку, а меня приобнял за талию.

– Да уж, подружились, – усмехнулась Татьяна. – А где подарок? Или ты ничего для меня не приготовил?

– Обижаешь! – Он протянул ей бархатную коробочку – такие вот коробочки я почти привыкла получать из его рук.

Танечка с жадностью избалованного малыша схватила подарок. Распахнула коробку и даже раскраснелась от удовольствия, на минуту забыв о том, что когда-то была смертельно обижена пренебрежением дарителя. Еще бы, кому не приятно получить на день рождения миниатюрный круглый медальон с инкрустацией из крошечных бриллиантов. Украшение смотрелось необычно и изящно.

– Ух ты! – Танечка примерила кулончик к своей загорелой щеке.

– Это медвежий глаз, – объяснил Арсений, – в языческой мифологии символ жадности.

Я думала, что Таня обидится, но она лишь понимающе улыбнулась. Они явно говорили на каком-то своем, неизвестном мне языке.

Я отвернулась – мимо проплывали пыльные летние набе-

режные. Зачем я здесь? Зачем я с ним? Надолго ли? Почему я такая непутевая? Может быть, права была моя экс-подруга Виктория? Может быть, надо было бежать от него в самом начале? От него, от Идеального, от обманщика и бабника, от самого лучшего и самого лживого мужчины на земле? Обо всем этом я думала, а рядом обнимавший меня Арсений весело болтал с загорелой кокетливой Танечкой.

И в этот момент та женщина подошла к нам.

Женщина в зеленом комбинезоне. Красивая, хотя и слегка полноватая. Я заметила, как побледнел Арсений, когда ее увидел. Побледнел под своим безупречным солярийным заггаром, честное слово!

– Привет, – сказала она.

– Отвяжись, – разлепил он губы.

– Я просто хотела... – замялась она, – просто хотела напомнить.

– О чем?

– Чтобы ты не болтал лишнего. А то у тебя будут проблемы. Ты знаешь, чем занимается мой муж?

– Твой бывший муж, – насмешливо поправил Арсений.

– Пусть бывший, но он меня до сих пор любит. – Ее накрашенные губы задрожали. – Я знаю, что ты всем об этом рассказываешь.

– Если ты сейчас же не уйдешь, я расскажу обо всем прямо в микрофон, – усмехнулся он.

– Все уже и так об этом сплетничают, – невозмутимо про-

должила женщина в зеленом. — Так вот, я тебя предупредить хотела. Если какая-либо порочащая Карину информация проникнет в газеты...

— Что тогда? — Он, казалось, совершенно не испугался. А вот дама была на грани истерики.

— Подлец!

— На том и держимся! — подмигнул он и отвернулся.

Не знаю почему, но в тот самый момент Идеальный Арсений перестал казаться мне красивым.

Словно кто-то между нами стекло кривое установил. Он остался прежним — те же глаза, те же полные темные губы и четко прорисованные брови. Те же сахарные зубы и те же длинные, как у королевы красоты, ресницы. По отдельности все это выглядело красиво, но вместе — собравшись вместе, его безупречные черты производили какое-то отталкивающее впечатление — странно, что я раньше этого не замечала.

Почему я сразу встала на сторону скандалистки в зеленом? Я же даже не знала, в чем суть их спора, а Арсений был так рассудительно-спокоен! Может быть, меня покорило, что он вот так, походя, оскорбил женщину, которая в матери ему годилась, — пусть справедливо, но все же оскорбил. Она выглядела не в пример ему такой расстроенной, такой жалкой. Лет пятьдесят ей было. Не красавица, но лицо приятное, умело подкрашенное, немного усталое. За дорогими очками в оправе от Кардена прячутся умные серые глаза. Красивые полные губы дрожат от негодования, к щекам прилил яркий

румянец.

– Маша, мы уходим, – сказал Арсений, крепко сжимая мой локоть.

– Почему это? Ты должен объяснить.

– Да ничего я тебе не должен! – вдруг зло сказал он. И так это было непохоже на того Арсения, которого знала я, светского, мягкого и обходительного. – Как хочешь. Можешь остаться в этом гадюшнике. Я – пас.

Уехали мы вместе. Он отвез меня домой. Молчали – за всю дорогу он не проронил ни слова. Гнал, как ненормальный, игнорируя правила дорожного движения. Мне было все равно. Я устала.

...Тем вечером мне неожиданно позвонила Вика. Я не поверила даже, когда трубка заговорила ее низким певучим голосом.

– Все дуешься на меня? – спросила Вика.

– Дуюсь, – честно призналась я.

– Прости меня.

Это было что-то новенькое. Вика слыла девушкой заносчивой и прощения никогда не просила. Я даже растерялась.

– Слышишь? Я прошу меня извинить... Что с тобой?

– А что не так?

– У тебя голос какой-то странный...

И я выложила ей все – про странный скандал на теплоходе, про истеричку в зеленом бархате и стервозную Танечку, получившую в подарок медвежий глаз, языческий сим-

вол жадности.

– Я же тебя предупреждала, – вздохнула Викуля. – Я виновата, прости. Я должна была все сразу объяснить.

– Что объяснить?

– Про твоего Арсения.

– Он уже не мой.

– Слава богу... Просто я была шокирована, обескуражена, когда ты о нем вдруг заговорила. Арсений на серебристом кабриолете, похож на Клуни. Я так сразу и поняла, что это он, слишком много совпадений.

– Тебе не надоело говорить загадками? Может быть, объяснишь наконец? Что ты о нем знаешь?

– Знаю, – усмехнулась Вика. – Надо же, какой изобретательный! Символ жадности подарил.

– Может, эта Танечка – жадюга?

– Да нет. Он себя имел в виду. Ладно, не буду больше тебя мучить. Арсений – жиголо.

– Что? – Я ожидала услышать от нее что угодно, только не это. Ну, может быть, что-то вроде «он мой бывший любовник», или «он сидел за распространение наркотиков», или, наконец, «да он бисексуал». Но только не то, что сказала Викуля. – Как?! Как жиголо?

– Так. Профессиональный потаскун, вот он кто. Я об этом узнала случайно. Одна знакомая показала его на вечеринке и все про него рассказала. Она-то им пару раз пользовалась.

– Но как же... Но что же он... Вика, это неправда!

– Продолжаешь его защищать?

– Нет, но это просто невозможно. Он ведь дарил мне украшения, он платил за меня, он не пытался...

– А по-твоему, у жиголо не может быть личной жизни? – усмехнулась Викуля. – Ты ему понравилась просто. Кстати, я тебя разочарую – таких, как ты, у него десятки.

– Все равно не понимаю.

– А что тут понимать? Заводя очередной роман, он пытается реабилитироваться, вот. Доказать самому себе, что он еще мужчина.

– Спасибо за объяснение, доктор психологических наук. Но так нечестно, ты должна была раньше сказать.

– А ты бы стала слушать?

Я вздохнула. Она права. Конечно, не стала бы. Не стала бы ни за что. Весь этот месяц он был для меня Идеальным.

Признаться, это был шок. Я повесила трубку и долго еще сидела у письменного стола, бессмысленно вертя в руках ручку. Арсений – жиголо. Любить – его профессия. Я представляла себе платных любовников совсем не такими. А какими? Смазливymi тупоголовыми юнцами с безволосой розовой грудью? Потасканными донжуанами с голодным блеском в глазах и наметившейся лысиной? Но это же карикатурно, так не бывает.

И все-таки что заставляет мужчин этим заниматься? Красивых, образованных мужчин, таких, как он, Арсений? Он не просто смазливый манекен, он с одинаковой непринуж-

денностью рассуждает о Густаве Климте и об играх на бирже «Форекс». Доволен ли он? Или, как утверждает Вика, комплексует? Как вообще с ним могло произойти такое? И собирается ли он завязывать?

В общем, когда поздно ночью Арсений все-таки позвонил, чтобы извиниться за инцидент на теплоходе, я сразу же раскрыла перед ним карты. Да и не рисковала я ничем. После того, что я о нем узнала, едва ли он мог считаться Идеальным. Поэтому даже если он бросит трубку – что ж, я прекрасно его пойму.

Трубку он не бросил. Молчал долго – я даже решила, что нас разъединили. А потом, к моему удивлению, предложил встретиться.

– Раз уж ты интересуешься... – Я не видела его лица в тот момент, но готова была поспорить, что он кривовато усмехается, – я была знакома с этой его ухмылкой, немного искажающей безупречное лицо в те минуты, когда Арсению было сложно о чем-то говорить. – Раз тебе интересно, могу рассказать. Тем более если ты, как утверждаешь, писательница... Ты не бойся, зря время не потратишь. Такое расскажу, волосы дыбом встанут. И про себя, и про русский модельный бизнес, и про ненормальных миллионеров, которые покупают красоту. И про эту суку, которая подошла к нам на теплоходе.

– По-моему, ты ее чем-то обидел.

– Скорее она меня.

– И про Карину? – вставила я, вспомнив истеричные обвинения скандалистки в зеленом.

– И про Карину, – снова усмехнулся он. – Между прочим, Карина – это не просто Карина. А актриса Карина Дрозд.

– Да ты что? – выдохнула я.

Карина Дрозд была по-настоящему знаменита.

На следующий день мы встретились в какой-то небольшой кофейне. Я невольно залюбовалась им.

Честно говоря, я никогда не верила в существование настолько красивых людей. При этом следует учесть, что я и сама работала манекенщицей. Считается, что заподиумный мир – это волшебное королевство, населенное исключительно прекрасными златовласками и мужественными принцами на белых конях. На самом деле все далеко не так красиво. Златовласки, смыв грим, превращаются... не в монстров, конечно, но во вполне обычных девчонок с обычными, простыми мордашками. А у модельных «мужественных принцев» на самом деле зашкаливает уровень женственности. Хотя вопреки сложившемуся мнению среди профессиональных манекенщиков не так уж много «голубых». Однако представьте себе парня, который спит в бигуди и озабочен серьезной проблемой: каким бы цветом оттонировать челку.

Арсений был на них так не похож. Он и понравился-то мне тем, что выглядел мужчиной на все сто. Мне не верилось, просто не верилось, что подобная красота может оказаться червивой. Он ведь казался таким искренним, у него

так горели глаза, когда он на меня смотрел. Этот блеск – блеск голодной юности и ожидания счастья – ни за какие деньги не купишь, ни в каком салоне красоты не приобретешь.

– Это правда? – решила спросить я. – То, что мне про тебя рассказали?

– Правда, – подтвердил Арсений, ничуть не смутившись.

– Поверить не могу. Наверное, мне стоило бы разозлиться. Но ничего подобного со мною просто не происходило никогда. Я даже обидеться на тебя не могу, потому что не могу придумать, на что конкретно обижаться.

Вы не поверите, но я нервничала больше, чем он!

– И не стоит.

– Но... зачем? С твоими данными ты мог бы...

– Мог бы что? Знаешь, сколько я зарабатываю?

– Догадываюсь, – вздохнула я, вспомнив шикарный особняк с джакузи и потрясший меня серебристый кабриолет.

– Ни о чем ты не догадываешься. На самом деле не так уж и много. Домик я арендую, а тачку мне подарили. Но иногда получается неплохо – несколько тысяч долларов в день. Конечно, редко бывают такие дни...

Он просигнализировал официантке. Она тотчас же заметила кофейник с остывшим кофе на свежий. При этом кокетливо состроила Арсению глазки, а на меня взглянула с неприязненным любопытством. Знала бы она...

– Понимаешь, я же не на Тверской стою за три копейки.

Я работаю в элитном агентстве, попасть в которое сложнее, чем в Голливуде пробиться.

– Лучше бы тогда ты пробился в Голливуде, – пробормотала я.

– Знаешь, сколько я к этому готовился?! Штудировал какие-то дурацкие книги, на диетах сидел, как малахольная бабышня. Не поверишь, даже экзамены сдавал! Но об этом я потом расскажу. Давай по порядку.

– Ты говорил что-то о Карине Дрозд, – напомнила я. – Что с ней случилось? Почему на тебя набросилась та тетка на теплоходе? Почему Карина Дрозд так резко выпала из тусовки? Давай начнем с этого. С ума сойти, ты был знаком с самой Мариной Дрозд!

Арсений скривился:

– Это для тебя она «сама Карина Дрозд». А на самом деле обычная баба.

Глава 3

Знаменитая киноактриса Карина Дрозд была ослепительной женщиной, которой встречные прохожие неизменно оборачивались вслед. Все при ней – благородно-платиновая блондинка с фигурой топ-модели, умеющая одеваться броско и стильно и при этом не выглядеть жертвой моды.

Никто не знал, что у этой красавицы есть страшная тайна. Пару недель назад ей исполнилось пятьдесят лет.

Пятьдесят.

Если разобраться – не так уж много. К тому же выглядела Карина превосходно – а как еще могла выглядеть женщина, которая добрую половину жизни посвятила работе над собой, напряженной и ежедневной? Диеты, изнурительная гимнастика... За последние десять лет в Москве появились спортивные клубы мирового уровня, и стало куда проще поддерживать безупречную форму. Потанцевать под красивую музыку под руководством милого, вежливого тренера – это даже приятно. А раньше...

Чтобы не поправиться, раньше Карина каждое утро обматывала все тело полиэтиленовыми мешками и полчаса скакала сначала на одной ножке, потом на другой.

Она знала, что в современном мире никто своего возраста не скрывает. Притворяться тридцатилетней, тайно справив полтинник, – это в некотором роде даже моветон. И все же по

привычке загадочно улыбалась, когда журналисты пытались ненавязчиво разузнать, в каком году она родилась.

У Карины было все, что делает женщину счастливой. Она была красива и богата, жила в небольшом аккуратном загородном особнячке и водила новенький алый «Мерседес». Готовил для нее повар, проживающий в доме звезды постоянно.

У нее был муж – солидный бизнесмен и двое детей-близнецов, недавно поступивших во ВГИК. Катенька, само собой, на актерский, а куда ж еще податься девушке с ее внешними данными и родственными связями? А Костенька, золотой мальчик, гениальная голова, на сценарный. У нее было несколько десятков восторженных приятельниц, которые отчаянно ей завидовали, но виду не показывали. И несколько близких подруг.

К тому же она была талантлива и востребована. Причем пока никто не смел предложить ей «возрастную» роль. Нет, Карина Дрозд играла только роковых красавиц, причем не молоденьких пустых профурсеток, а сильных, ярких женщин – таких, какой была она сама.

А ее последняя роль – это вообще мечта, сенсация. Карина снялась в сериале, который должен был демонстрироваться в прайм-тайм на одном из центральных телеканалов. Роль выигрышная: сексапильная обаятельная стерва – Карина появлялась на экране в разных париках, которые необыкновенно шли к ее ухоженному правильному лицу, в нарядах

от известного брюссельского дизайнера, сшитых специально для нее. Несколько «съемочных» платьев она даже купила в личное пользование – уж больно жалко было с ними расставаться.

В общем, Карина Дрозд находилась на вершине своего заслуженного триумфа, и никто не знал, что на самом деле кинозвезда считает себя несчастной. Несправедливо и больно обиженной.

Главный обидчик – муж, Анатолий. Всегда был смирным, неприхотливым и благодарным судьбе – за то, что в один прекрасный день она свела его с ослепительной Мариной. Он боготворил жену-кинозвезду и гордился ею.

Но всем известно: седина в голову, бес в ребро. Молчаливый, не слишком красивый, измученный работой Анатолий ухитрился завести роман на стороне. Карина прекрасно понимала, что сам Толя ни при чем, по неопытности он просто стал жертвой цепкой, хитрой стервы – двадцатилетней псевдоманекенщицы.

Девушка эта называла себя моделью, но вряд ли вообще имела представление о том, что такое подиум. Нет, проституткой она не была – скорее профессиональной любовницей. Причем она была девушкой неглупой и на мелочи не разменивалась.

Когда ей было шестнадцать лет, ею увлекся седовласый телемагнат. Ни на минуту не задумавшись, смазливая девчонка переселилась в одну из его шикарно обставленных квар-

тир. Их отношения длились полтора года. Потом появился крупный американский бизнесмен, за которого девушка даже выскочила замуж. Впрочем, когда браку исполнилось три года, богатый американец куда-то испарился из ее рационально налаженной жизни, уступив место разбитному ресторатору кавказского происхождения.

Вот, пожалуй, и все. С одной стороны, всем было ясно, что девушка существует за счет богатых любовников, с другой – в легкомыслии ее не упрекнешь. Вокруг полно молоденьких красавиц, которые прыгают из постели в постель, зарабатывая себе на красивую жизнь, эта же на их фоне смотрится вполне целомудренно.

Вот на такую особу и запал тихий бизнесмен Анатолий Дрозд. Ладно бы просто запал – полбеда, нагуляется и перебесится. Так нет, Толя, похоже, влюбился. Дома не появляется. Пряча глаза, придумывает небылицы о поздних совещаниях и срочных командировках – классика жанра!

Отвез чертовку к морю, появляется с ней на людях, снял для нее квартиру в центре и частенько остается там ночевать.

А на днях между Кариной и Толей состоялся довольно унижительный разговор, который стал для нее последней каплей и помог осознать, что все на самом деле серьезнее ее опасений.

– Милый, ты помнишь, что послезавтра презентация моего фильма? – напомнила она за завтраком. – Надо догово-

риться об одежде, я сегодня собиралась поехать за платьем, хочу, чтобы мы были одеты как всегда. В унисон...

Карина любила появляться с ним на людях. Физической красотой Толя не отличался, но было в нем что-то – то, что принято называть харизмой. От него веяло успехом.

Анатолий, гордившийся успешной красивой женой, придавал публичным мероприятиям бóльшую важность, чем бизнес-переговорам. Потом он с удовольствием рассматривал фотографии в журналах – те, на которых он был запечатлен рядом с Кариной. Журналисты любили эту пару. В интервью Карина всегда подчеркивала свою неотделимость от семьи. Лицо ее супруга было, пожалуй, не менее знаменитым, чем ее собственное. На всех журнальных разворотах они появлялись вместе. Карине даже сто раз предлагали сняться в «семейном» варианте телерекламы – «Наша семья ест только данный майонез», «Наша семья лечит зубы только в данной клинике!».

– Я как раз хотел тебе сказать, – отодвинул он в сторону чашку с остывающим кофе, – Карочка, ко мне завтра приезжает партнер из Германии, я бы рад пойти с тобой, но и его бросить не могу.

– Пусть тоже приходит! Ему понравится.

– Но у него программа, у нас запланирована встреча с председателями правления, а потом мы все вместе идем в ресторан.

– Ты мог бы подъехать позже. – Она все еще не верила в

то, что Толя ее просто-напросто «кинул».

– Кара, ты же понимаешь, работа есть работа. Я не могу бросить партнера ради твоей прихоти.

– Прихоти? – взвилась она. – Это не прихоть, это презентация! Вся Москва будет, все будут спрашивать о тебе. Мы всегда появляемся вместе!

– Скажи, что я болен.

– Уж раз мы об этом заговорили... Никто не поверит, что ты болен, потому что позавчера ты был на премьере в кино с этой крашеной мымрой. Вас сфотографировал один мой знакомый журналист.

– Валечка натуральная блондинка, она... – сказал Анатолий и тут же осекся.

– Ее еще и Валечкой зовут, – сникла Карина, но виду постаралась не показать. Кто такая эта Валечка? Очередная профурсетка, которая на чужое позарилась. Но в данном случае ничего у нее не выйдет.

– Кара, извини меня, – еще раз зачем-то повторил Толя.

– Ну, я понимаю, бизнес... – решила она сбавить обороты. Ей не хотелось ссориться.

– Нет, раз уж ты сама сказала... Кара, мы знакомы почти тридцать лет...

– Двадцать восемь, – машинально поправила она.

– Не важно. Главное, что ты мой самый лучший друг. Поэтому я тебе это и говорю. – Он смотрел куда-то в сторону, и у Карины почему-то тоскливо сжалось сердце. – Карочка,

я запутался...

– Расскажи мне. – Она придвинула свой стул ближе и погладила его по руке. Если надо «сыграть» лучшего друга, она сыграет. Она молодец, она справится. И не важно, что ей вдруг стало страшно. Даже спина под платьем вспотела. Он не заметит.

– Кара, ты такая хорошая. – Внезапно Толя порывисто обнял ее, но в этом жесте не было ни капельки страсти. С таким же выражением лица он мог притянуть к себе лучшего друга, чтобы ободряюще похлопать того по плечу. – Я тебя не заслуживаю...

«Начинается, – тоскливо подумала она. – Это опасная фраза... «Я тебя не заслуживаю». Так говорят слабые люди перед тем, как уйти навсегда. Нет, он никогда не скажет: «Ты меня больше не возбуждаешь, ты стала старая и скучная». Я тебя не заслуживаю, и все тут».

– Толик, что ты... Я тебя люблю, ты же знаешь.

– Я тоже тебя люблю, вот только...

– Что?

– Валю я тоже люблю... Кара, я чувствую себя таким подлецом.

На мгновение ей показалось, что он хочет покаяться.

– Я поступаю подло. Я и ее, и тебя обманываю.

Ей вдруг захотелось его ударить. Что значит «и ее, и тебя»? Он поставил их на одну ступеньку.

– Думаю, она понимает, на что шла, – сухо сказала Карина.

– Как тебе объяснить! Валечка – ребенок. Нет, она взрослая девушка, умная, но в душе школьница.

– Она моложе твоей дочери!

– Старше на год. И она меня так любит... И я... И тебя тоже.

– Ты думаешь, что влюблен?

– Я не думаю... Кара, я влюблен, – выпалил он и замолчал.

Она поняла, что весь предыдущий разговор был лишь бессмысленной подготовкой к этой короткой, как выстрел, фразе. У нее давно было плохое предчувствие. Карина боялась этого разговора, и несколько раз он ей даже снился. Она думала о том, что скажет ему в ответ. Как ненавязчиво намекнет, что она никогда не ограничивала его свободу, что она понимает все... Ободряюще улыбнется и убедит его, что такое рано или поздно со всеми случается... Что надо это пережить, перетерпеть – вместе. Не принимать никаких серьезных решений, пока не будешь уверен по-настоящему. А она – да что она, она потерпит вместе с ним... Карина думала об этом, но в глубине души ужасалась – то есть как это потерпит? Потерпит – значит, будет закрывать глаза на то, что ее законный супруг таскается к какой-то Валечке? И не будет иметь права даже его упрекнуть – сама же согласилась...

А что скажут дети? А что скажут журналисты? Что скажут поклонники? Скорее всего не скажут ничего. Но насплетничают за ее спиной от души. Эти красноречивые сочувственные взгляды, эти ехидные улыбки былых завистниц,

эти осторожные расспросы... Идеальная семья распалась.

Она не сможет, сломается...

– И что ты собираешься делать? – спросила Карина, вместо того чтобы «выстрелить» проникновенным монологом о понимании и прощении.

– Карочка... я хочу попробовать пожить отдельно.

– Понятно. То есть вы с так называемой Валечкой решили жить вместе.

– Ну зачем ты так? Ты не волнуйся, материально для тебя ничего не изменится. Я сейчас заключил удачный контракт. Что тебе подарить, Карочка? Хочешь новую машину? Хочешь отдохнуть на Бали?

«Он мой муж. Мой муж предлагает мне отступные. Как будто бы я уволенный сотрудник – и профессионал никакой, и на улицу выкинуть жалко!»

– Спасибо, Толик. – Она заставила себя улыбнуться. – Мне ничего не нужно. Деньги есть. Моя машина мне нравится. А отдыхать я не могу, работы слишком много.

– Понимаю... Кара, но и твоя вина в этом есть! – неожиданно воскликнул он.

– Чем же я виновата, по-твоему?

– Ты иногда бываешь такой странной! Эти твои кукольные домики! Три комнаты забиты кукольными домиками. Как маленькая, честное слово!

– Это меня успокаивает. Когда что-то случается, я сажусь строить домик. Ты же знаешь. Почему-то раньше тебя это не

раздражало.

– Раздражало. – Он не выдержал ее взгляда и отвернулся к окну. – Когда мы жили в двухкомнатной малогабаритке, было еще хуже. Ты все равно не хотела выбрасывать эти дурацкие кукольные домики. Извини, но в этом есть что-то... нездоровое.

– Ты хочешь, чтобы я их выбросила сейчас? – устало поинтересовалась она.

– Нет. Не знаю. Извини... Меня всегда раздражало это твое странное хобби. Лучше бы марки собирала или сорила деньгами, как все твои подруги.

– У меня нет подруг, – спокойно улыбнулась она. – У такой женщины, как я, подруг быть не может.

– Да? А эта мерзкая баба, которая у нас постоянно оши-
вается? – прищурил глаза Анатолий.

Карина старалась быть спокойной. Она нарочито медленно извлекла из буфета нарядную фарфоровую чашку и налила себе холодного мятного чая со льдом. При этом у нее дрожали пальцы, и чашка тоненько позвякивала на фарфоровом блюде, словно в поезде.

– Ты имеешь в виду Зойку?

– Да, кого ж еще? Она торчит у нас постоянно. Это же невозможно, как будто у нее дома своего нет!

– Я знакома с Зойкой гораздо больше, чем с тобой. Она не подруга. Что-то вроде родственницы. Да, полуродственница.

– Наверное, поэтому у меня иногда складывалось впечат-

ление, что она для тебя дороже, чем я! А между тем она совершенно отвратительная баба! Как ты ее выносишь, ума не приложу.

Карина отхлебнула мятного чаю. Говорят, мята успокаивает. Что-то не похоже. Наверное, ее сейчас и фенозепам не успокоит.

– Ты все сказал, Толя?

Внезапно он подошел к ней и положил руки на ее тоненькие плечи. Чуть чашку не опрокинул. На, между прочим, светлый ковер.

– Кара, прости меня. Я дурак. Наговорил тебе всего... Но ты должна понимать, я просто нервничаю...

«Ты должна понимать...» И почему это я должна всех понимать? Меня бы кто понял!»

– Карочка, я уже пойду. Ну, если что понадобится, ты мне звони, хорошо? Я и сам буду звонить два раза в неделю.

Вот так все и кончилось. Она долго поверить в это не могла, все ждала, что он одумается. Но нет, Анатолий наскоро собрал вещи в чемодан и уехал. Она осталась в роскошном особняке одна – как принцесса в замке. Пятидесятилетняя принцесса, которую даже некому спасать.

Дети жили в Москве, Толя снял для них квартиру на проспекте Мира, чтобы было ближе ездить на занятия. Карина вообще-то была против – она считала личные апартаменты в восемнадцать лет излишеством. Сама в свое время моталась в тот же ВГИК из подмосковной Балашихи, и ничего,

пробилась...

Карина была оптимисткой по натуре. Хотя, сказать по правде, жизнь не давала ей поводов впадать в депрессию. Ей почему-то всегда везло. Везло на людей и жизненные обстоятельства. Все давалось ей легко, даже диеты. И вот на самом Олимпе – такое разочарование...

Несколько часов после Толиного ухода она места себе не находила. Металась по дому, как наркоманка в ломке. Пыталась на что-то отвлечься, но не смогла. То книгу схватит, то тряпку для пыли. Попробовала сесть за новый кукольный домик. Но не смогла даже придумать эскиз.

Кукольные домики, кукольные домики... Каждый упакован в отдельную коробку. В ее доме предусмотрены три специальные комнаты со стеллажами «под домики».

Первый кукольный домик Карина сделала, когда ей было девятнадцать лет. Тогда ей казалось, что она влюблена в одного из лекторов – мрачноватого бородатого бывшего геолога, который казался ей воплощением романтики.

Потом это как-то вошло в привычку – когда она переживала, сразу садилась за домик. Монотонная работа отвлекала, отступала печаль.

Но сейчас Карине не хотелось возиться с бумагой и клеем. Она старалась не задумываться о своем новом статусе – брошенной жены. Одиночество представлялось ей чем-то абстрактным. Более конкретные проблемы не давали ей покоя.

И самая главная печаль: что же делать с презентацией сериала? Прийти туда одной, с гордо поднятой головой? Сопротивляться, что Толя болен? Но все равно рано или поздно все узнают, что Анатолий совершенно здоров и – даже более того – у него настоящий гормональный всплеск, вон какую девчонку отхватил! Вот над нею все посмеются!

Она позвонила одной из своих лучших подруг – бывшей актрисе по имени Зоя. Той самой «полуродственнице», которую, как выяснилось, так не любил Анатолий. Она и раньше об этом догадывалась. Правда, у него до этого самого дня хватало деликатности не указывать ей, с кем следует дружить.

Зойка когда-то была ее однокурсницей. В молодости она была невозможно хороша собой – кудрявые медные волосы, синие глаза, чуть полноватая, но изящная фигурка. Всем казалось, что Зойка непременно станет звездой, в курсовых спектаклях ей нередко доставались главные роли. Ту же Карину преподаватели оценивали куда скромнее. Но получилось по-другому. Двадцатилетней девчонкой, студенткой, Зойка познакомилась с тихим студентом-медиком, будущим стоматологом. Влюбилась, как кошка, выскочила замуж, забеременела, бросила институт и без сожаления променяла возможную славу и свет софитов на бессонные ночи возле кровати болезненного ребенка и красные от постоянной стирки руки. Тогда Карина Зою не поняла, а потом привыкла – подруга, похоже, была со стоматологом счастлива.

Стоматолога, кстати, приняли на работу в какую-то ведомственную больницу, и он неплохо зарабатывал. А потом, после перестройки, и собственную клинику открыл. Так что Зойка Карине не завидовала – у нее самой все, что пожелаешь, было. Она тоже жила в загородном доме, даже еще более шикарном, тоже колесила на «Мерседесе» и даже располагала штатом прислуги. Причем в отличие от подруги домохозяйкой она не была. Наверное, насиделась в молодости при стоматологе, а сейчас ей захотелось приключений и ярких впечатлений. Карина знала, что Зоя весьма активно «ходит налево». У нее был мужской подход к отношениям – она вообще не собиралась бросать мужа, просто время от времени ей требовался допинг.

Карина позвонила Зойке и рассказала ей все. Ничего не стала придумывать, не попыталась оправдать себя или сбежавшего супруга.

– Ну и козел! – сказала Зойка, внимательно выслушав грустную историю. – Я и подумать не могла, что Толик такой козел.

– И что мне делать? Как ты думаешь?

– Радоваться! – гаркнула Зоя.

– Чему? – опешила Карина.

– Тому, что козел достался другой. А ты свободна, молодая, красива и богата! Когда муж впервые изменил мне, я сначала переживала, но потом поняла, что все к лучшему. Мне открылись новые возможности. Впрочем, ты же сама

знаешь... – Зоя замолчала.

Карина поморщилась. О чем бы они ни говорили, Зоя всегда умудрялась свести беседу к собственному супругу, который сто лет назад изменил ей с красавицей актрисой. Почти четверть века прошла с тех пор, но Зоя никак не угомонится. Карина понять не могла – любит подруга мужа или ненавидит? Или и то и другое одновременно?

– Муж изменил тебе один-единственный раз. По молодости, по глупости. Он тебя не бросал, он не уходил от тебя к молоденькой.

– Ну и что? Все равно я не смогла ему этого простить. Кара, ты же все знаешь сама...

Да, Карина знала. При всей своей видимой оптимистичности и легкости Зоя тоже была склонной к депрессиям натурой. И у нее тоже были сложные отношения с супругом. Отсюда и все эти Зойкины «побеги налево».

– Мне было сложнее, – вздохнула Зоя, – он мне изменил, когда я была влюблена в него, как кошка. Для меня никого, кроме него, не существовало. А ты... Для тебя любовь к твоему Толе стала скорее привычкой. И не спорь. Зато теперь мы сможем гульнуть по-настоящему.

Было у Зои одно замечательное качество – даже самую безнадежную ситуацию она умудрялась повернуть так, что начинало казаться, будто ничего особо страшного не произошло. И даже, наоборот, все сложилось как нельзя лучше. Наверное, поэтому Карина и позвонила именно ей.

– Скажешь тоже! – хмыкнула она. – Это у тебя полно любовников, а я-то что...

– Глупости! Кто из нас известная актриса, секс-символ? Да любой мужик счастлив будет быть рядом с такой, как ты. Тебе только и остается, что выбирать.

– Что толку от того, что тебя любит весь мир, если ты засыпаешь на пустой кровати? – вздохнула Карина. – Кто это сказал? По-моему, Софи Лорен.

– Теперь мы можем чаще видаться. Бывать где-нибудь. Вечеринки, тусовки.

– Неугомонная. Пятьдесят лет, а все одни вечеринки на уме.

– Кому это пятьдесят? Не смей произносить при мне этого слова – пятьдесят. Лично мне вряд ли больше тридцати...

– А мне семьдесят, – вздохнула Карина. – Ничего, не обращай внимания, это я так, депрессирую. Скоро успокоюсь.

– Склей кукольный домик.

Практичная Зойка относилась снисходительно к хобби Карины. Она была единственным посторонним человеком, которому позволялось рассматривать многочисленные Каринины домики. Журналистам их не показывали. Карина Дрозд боялась прослыть городской сумасшедшей.

– Возможно... Честно говоря, мне не хочется даже домика.

– Тебе просто надо разгуляться, войти во вкус... с чего-то начать.

– И желательно сделать это побыстрее, – вздохнула Карина. – Послезавтра презентация. Я должна явиться со спутником. Так рассчитаны места за столиками. Я не могу появиться одна, понимаешь? Это будет провал.

– Знаешь, вообще-то есть у меня одна идея. – Зоя замолчала, словно что-то мешало ей продолжить мысль.

– Что за идея? – жадно спросила Карина.

– Не уверена, что тебе понравится... И вообще, не хотела об этом рассказывать... Но раз уж ты в такой ситуации...

– Да говори уж, не мнись! Ты хочешь предложить мне своего мужа в аренду?

– Почти в точку! Только не своего мужа. Кому он нужен, муж мой? Если бы я впервые увидела своего мужа сейчас, то даже не посмотрела бы в его сторону. Хочешь верь, хочешь нет... Кара, помнишь, в прошлом году на юбилее профессора Заславского я была с молодым человеком, Игорь его звали...

– Как же не помнить! На вас там все так смотрели. Этот Игорь – просто Аполлон Бельведерский. Я еще спросила, где ты его откопала, а ты сказала, что это курортный роман.

– Я соврала.

– Как? И кто это был?

– Да ладно, не прикидывайся святошей. Как будто не понимаешь.

– Но я не... Постой, это что, был платный мальчик?

– Именно, – усмехнулась Зоя.

– Проститут? Жиголо?

– Можно сказать и так.

– Но, Зоя... зачем... Ты заплатила деньги за секс?!

Зоя расхохоталась, у нее был гулкий заразительный смех, правда, чистоту голоса несколько испортило многолетнее курение.

– Дурочка. Вот еще, буду я за секс платить. Игорь просто сопровождал меня на мероприятие. Я тогда с мужем поссорилась, и хотелось ему насолить. Вот я и заплатила Игорю, чтобы он со мной появился.

Карина нахмурилась. Она смутно помнила тот вечер. Профессор Заславский отмечал шестидесятилетний юбилей в ресторане «Шинок». Гуляли шумно, с размахом. Кажется, она тогда выпила немного лишнего. Карина обычно почти не пила, но Заславский был ее старым другом, вот и расслабилась. К тому же она была с Толей, с ним она всегда чувствовала себя уверенной.

Но она обратила внимание на Зойкиного кавалера. Все обратили на него внимание – он был моложе ее лет на двадцать и красив, как греческий бог. Кудрявые каштановые волосы, зеленые глаза, смуглый румянец... Обращался он с Зоей, как с красавицей королевских кровей. Поправлял модную пашмину на ее груди, подливал ей вина и следил, чтобы Зойкина тарелка не пустовала. Карина еще подумала – вот какая молодец ее подруга! Не тушуетсЯ никогда, несмотря на солидный возраст. Вот, очередного мальчика в себя влю-

била. Он, бедный, голову потерял, по всему видать. И вот теперь выясняется, что мальчик этот – альфонс, жиголо.

– Зоя... Но если кто-нибудь узнает... Это же позор!

– А кто узнает? – беспечно хохотнула подруга. – Я никому, кроме тебя, не рассказала. Надеюсь, ты меня не выдашь... Кстати, у меня сохранился телефончик того агентства, через которое я нанимала Игоря.

– Ты мне предлагаешь... Нет, Зойка, я поверить не могу!

– Да что в этом такого-то? – хмыкнула Зоя. – Честное слово, ты какая-то несовременная. Ты же не в постель его приглашаешь, а всего лишь на презентацию. Можно, кстати, не совсем молоденького взять. Там есть и седовласые импозантные мужчины. Есть даже иностранцы.

– Это, наверное, дорого...

– Недешево. Есть, наверное, и более дешевые агентства, но где гарантия, что после мероприятия тебя не будут шантажировать?

– А здесь? – Карина поймала себя на мысли, что начинает поддаваться. Она уже несмело обдумывала детали авантюры, на которую пыталась ее подбить неугомонная подруга. Так, как будто бы вопрос с жиголо был уже решенным.

– Здесь работают солидные люди. Это филиал известного международного агентства. Туда попадают только элитные мальчики, лучшие. Каждый хорош в своем роде. Есть, конечно, те, кто выглядят как модели и классно трахаются. Но есть и солидные мужики, профессора даже. Те, которые спо-

собны развлечь любое общество интеллектуальной беседой.

– Зачем же они тогда этим занимаются?

– Глупенькая, а много ли зарабатывает, например, университетский преподаватель?

– На Западе очень даже много, – резонно возразила Карина.

– А если я тебе скажу, что один час в обществе одного из этих мужчин стоит не меньше пятисот долларов? Да кто откажется от перспективы заработать за вечер тыщонку-другую? Иностранцы, ясен пень, стоят дороже... Знаешь, Кара, я бы и сама не отказалась так вот поработать, – вдруг мечтательно призналась Зоя.

– Кто же тебе мешает? Пошли в это чудесное агентство свое резюме.

– Да кому я нужна, – хохотнула она. – Девки там тоже есть, но они все до тридцати лет. Либо обладающие исключительными качествами. А я и языка ни одного иностранного не знаю. Вот тебя бы, кстати, приняли, ты же звезда...

– Заткнись. Ладно, Зой, диктуй телефон. Я подумаю – может, и правда приглашу мальчика.

– И думать тут нечего! В любом случае это лучше, чем появиться на презентации совсем одной!

Зоя положила телефонную трубку и отпила большой глоток молока прямо из пакета, который держала в другой руке. Над верхней губой появились белые молочные усы, и она небрежно вытерла их тыльной стороной ладони. Зеркало

безжалостно отражало ее со всеми ее морщинками, шероховатостями и складками. И, глядя на себя, она опять невольно подумала о Карине. Вот уж кто в свои пятьдесят выглядит так, словно всю жизнь провел под стеклянным колпаком. Да, молодец Кара, во всем себя ограничивала, старалась, вот и осталась молодой. Она бы, кстати, ни за что не позволила себе пить молоко трехпроцентной жирности.

А вот она, Зоя, мямля еще та. Бешеные тысячи тратит на косметологов, а на диету сесть не может. Ну не может, и все! Держит под подушкой шоколадку, как маленькая. А вот собственному мужу она кажется красавицей. Муж и такой ее любит – немолодой, усталой, со складками жира на талии. Он всего этого просто не замечает, смотрит на нее, а видит юную смешливую пышечку, какой была она тридцать лет назад, когда они только познакомились.

Муж. Глаза бы на него не глядели. Опостылел, уже столько лет назад опостылел. И ради чего она притворяется? Ради ребенка? Но сын взрослый уже, у него давно своя жизнь. Ради денег? Ну вот уж нет.

Никто не знал, что Зоя была давно влюблена.

И терпеливо дожидалась своего времени. Такая уж у нее судьба, или, как сейчас модно говорить, карма.

А Карина уставилась на криво нацарапанный на первой попавшейся бумажке телефонный номер. Судя по первым цифрам, офис расчудесного агентства располагался в самом центре Москвы.

«Неужели я и правда собираюсь это сделать? Я? Карина Дрозд, восемь журнальных обложек разного калибра за последний год? Звезда, любимица публики? До недавнего времени примерная жена? Я, я собираюсь воспользоваться услугами «продажного» мужчины... Как пошло, как пошло! Нет, не смогу!...»

Она решительно порвала бумажку на мелкие клочки. Вот так-то лучше. Теперь пути назад нет... Ну разве что перезвонить Зойке и попросить продиктовать номер еще раз. Но она, Карина, даже думать об этом не будет.

Она подошла к зеркалу. Хороша. Ничего не скажешь, хороша. Не располнела с годами. В отличие от той же Зои. Зоя была женщиной холеной и, бесспорно, красивой, но у нее не хватало силы воли сидеть на диетах и ежедневно заниматься спортом. Зато несколько раз в неделю она ходила в лучшие салоны красоты. Но салоны салонами, а все-таки выглядела Зоя лет на пятнадцать старше Карины.

Лицо гладкое, в интимном полумраке Карина легко за двадцатипятилетнюю сойдет. Никто (в том числе и Зойка) не знает, правда, что пять лет назад Карина Дрозд была замечена в безлюдной части Швейцарских Альп, в одной крошечной дорогой клинике, – вышла она оттуда только через четыре месяца, зато помолодев на двадцать лет. Та же Зоя, конечно, допытывалась, что случилось с Кариной, откуда такая чудесная метаморфоза. Но та молчала, как партизан на допросе. Уклончиво говорила:

– Ты же знаешь, я долго отдыхала на природе... И потом, Зоинька, ничто так не красит женщину, как влюбленность.

– Ты влюблена? – оживилась подруга. – Наконец-то свершилось.

– Наверное, я тебя разочарую: я влюблена в собственного мужа.

– Фу, какая ты скучная! Я думала, что на отдыхе ты подцепила нордического блондина.

– Мой Анатолий любому нордическому блондину сто очков вперед даст, – рассмеялась тогда Карина.

Прошло пять лет, а ей почему-то вспомнился тот легкомысленный разговор. Такая счастливая была она тогда, такая красивая и желанная, уверенная в завтрашнем дне. «А ведь у меня и правда полно поклонников, – подумала Карина, перекидывая ухоженные пшеничные пряди на косой пробор. – Любой из них будет танцевать от счастья, если я приглашу его на презентацию». Один поклонник готов жизнь за нее отдать.

Карина подошла к письменному столу, приютившемуся на уютной веранде. Столом почти никогда не пользовались. Карине рабочий стол ни к чему, Толя тоже не любил работать дома. В ящиках стола она хранила старые журналы. Выдвинув верхний ящик, Карина небрежно вытряхнула журналы и газеты на пол. Никто, кроме нее, не знал, что в верхнем ящике было двойное дно. Тайники ей были ни к чему. Нечего прятать. Толя настоял, чтобы драгоценности она хранила

на западный манер в банковском сейфе. Дневников она не вела. Наркотики не принимала. Но все равно почему-то было приятно иметь тайник.

В тайнике лежал лишь тоненький конверт. Карина подцепила его наманикюренным пальчиком, и на ее обтянутые кожаной юбкой колени выпал тоненький листок.

«Моя милая. Ради тебя я пойду на все. Умру за тебя, если надо будет. Все отдам тебе. Я тебя люблю».

Она наизусть эти слова выучила и повторяла их, как магическое заклинание. Карина прекрасно знала, кто автор этих слов. Нельзя сказать, чтобы ей был совсем безразличен этот человек. Но и влюблена она не была.

– Вот возьму и отправлюсь на презентацию с автором письма! – сказала она вслух, сама понимая, что у нее никогда не хватит смелости это сделать. Слишком пострадает незапятнанная репутация, слишком необычен человек, написавший ей эти трогательно искренние строки. Это был бы настоящий скандал.

А может быть, стоит пригласить кого-нибудь из категории «просто друзей»?

Но она тут же оставила эту мысль. Пригласить на такое важное мероприятие полужнакомого человека? Неизвестно, что ему взбредет в голову, как он себя поведет. Карина была всегда уверена в Анатолии. Что он не напьется, не поссорится ни с кем, не будет умничать или отмалчиваться в углу. Он был идеальным спутником, что и говорить.

Был.

Друзья? У нее было много друзей-мужчин. Режиссеры, сценаристы, писатели. Они, конечно удивятся, но вряд ли откажут. И что потом? Дразнящие газетные двусмысленности, ехидные расспросы знакомых.

А если она появится с нанятым мальчиком, то есть мужчиной (разумеется, у Карины не хватит смелости заказать себе молоденького Аполлона вроде Зойкиного Игоря)? Зоя говорит, что все они вышколены и могут похвастаться безупречными светскими манерами. И потом, никаких обязательств. Не надо ничего придумывать, интриговать, играть какие-то роли. Купленный мужчина будет вести себя так, как захочет она.

И она решилась – в конце концов, обстоятельства можно было считать форс-мажорными. Карина была уверена, что воспользуется услугами сомнительного агентства только один-единственный раз. И она подняла телефонную трубку.

– Зоя? Это опять я. Прости ради бога, не могла бы ты еще раз продиктовать мне номер того агентства? Да, бумажка куда-то запропастилась... Да, вот такая я рохля.

Глава 4

Арсений просыпался рано, около половины восьмого. Его утро было расписано по минутам. Стакан минеральной воды с пряностями, которую он заказывал во Франции. Несколько йоговских асан – чтобы почувствовать прилив бодрости. Контрастный душ. Тридцатиминутная разминка – десять простых упражнений, которые составил специально для Арсения личный тренер. Ничего сложного, но это помогает держать мышцы в тонусе. Только после этого он мог позволить себе легкий завтрак – омлет со шпинатом, теплые ржаные булочки, молоко, некрепкий кофе. Арсений готовил сам, хотя вполне мог позволить себе нанять повара. Он знал, что женщин умиляет мужчина, ловко хозяйничающий у плиты. «И не только женщин», – подумал он, вспомнив о своем любовнике, шестидесятипятилетнем американце по имени Марк. Марк этот любил стоять у него за спиной, пока Арсений возился над шкварчащей сковородкой.

– Меня это возбуждает, да! – говорил он, а Арсений молча переворачивал на другую сторону румяный блинчик. – Поторопись. Это будет самый чудесный завтрак в постели в нашей жизни. – И запускать небольшую юркую руку в рыжих пигментных пятнах в джинсы Арсения.

Арсению Шувалову было около двадцати пяти. С одной стороны, мальчишка, с другой – на подходе вполне солидный

возраст. Конечно, профессию его солидной никто бы не назвал, но каждый вертится как может...

Позавтракав, Арсений в задумчивости остановился перед двустворчатым гардеробом. Сегодня он должен встретиться с Анни, полубезумной мужеподобной француженкой, внешним видом напоминающей рано постаревшего библиотечно-го служащего. Анни была безнадежно некрасива, насколько некрасивой вообще может быть женщина. Она выбрала для себя преувеличенно интеллигентный стиль – редкие волосенки зализаны в пегий хвост, щедро открывая слегка лошадиное лицо, доминантой которого, безусловно, был крупный пористый нос. Небольшие глаза блекло-голубого цвета спрятаны за массивными очками в роговой оправе мужского фасона. Белая рубашка, черные штаны, неброские, но дорогие ботинки, никакого макияжа. У нее был высокий чистый лоб и неприятно внимательный взгляд. С таким человеком хотелось боязливо заговорить, скажем, об агностицизме или падении курса доллара, на худой конец обсудить премьеру интеллектуального малобюджетного фильма.

Кто бы знал, что, когда Анни напивается (а происходит это как минимум два-три раза в неделю), она любит быть одновременно с тремя мужиками. Чтобы один из них просто сидел рядом, гладил ее по полному колену и нашептывал ей в ухо сладковатые журчащие комплименты, совершенно для данной дамы неуместные. Чтобы другой обслуживал ее – так, как хочет мадам, а фантазия у Анни была богатая. Ка-

масутру и тантрические трактаты она знала наизусть и обожала разного рода эксперименты. Третий же удостоившийся ее общества должен был снимать происходящее фотоаппаратом «Полароид». Арсений знал, что Анни коллекционирует снимки, у нее уже несколько толстых альбомов набралось.

У Арсения был хорошо подвешен язык – ему всегда доставалась роль «льстеца». Ничего сложного в этом не было – сидишь себе полуголый возле разомлевшей тетки и воркуешь с придыханием: ах, у вас такие руки, ах, у вас такие глаза! Анни все «съедала», даже примитив. Платила она хорошо – не меньше тысячи долларов за сеанс.

Он выбрал белый вельветовый костюм в стиле «Дольче и Габбана» (на оригинал от итальянских любимчиков моды денег было жалко, и он купил качественную подделку в одном из бесчисленных бутиков Римини). Анни должно понравиться. Она любит возведенную до фарса красоту.

У него оставалось полчаса до того, как молчаливый шофер француженки посигналит под его окном. Арсений решил побаловать себя кофе – вообще-то он заботился о цвете лица и предпочитал травяной чай, но иногда, под настроение, можно и шикануть.

На столе, оформленном под барную стойку, неудобном и высоком (убить бы дизайнера, которому в свое время он так неосмотрительно доверил ремонт своей квартиры), стояла фотография в дешевой мельхиоровой рамке. Улыбающийся

брюнет в джинсах и невзрачном свитерке запечатлен на фоне солнечной набережной на Крымском Валу. Это он, Арсений. Сфотографировался в свой первый московский день и таскает теперь этот снимок за собою, точно талисман. Сейчас вот смотрит на свое беззаботное лицо – узнает себя и не узнает. Молодой, сколько энтузиазма в глазах! Так недавно вроде бы все это было – пять лет всего прошло... Пять лет – целая жизнь, когда тебе слегка за двадцать.

Он приехал в Москву двадцатилетним. За плечами – армия и долгая беззаботная юность в небольшом сибирском городке Ноябрьске. О нем всегда говорили, с детства: «Какой красивый мальчик!» Он к этому восхищению привык. В детстве Арсений был блондином. Его мягкие волосы трогательно кудрявились, ресницы были длинными и завитыми вверх, как у девчонки, – ну прямо боттичеллиевский ангелочек или ребенок с шоколадной обертки. Взрослая мужская жизнь началась рано – а как иначе, если на него с детства девчонки заглядывались? Ровесницы казались ему жеманно-глупыми, они томно хихикали за его спиной, писали ему какие-то кокетливые записочки на розовой бумаге. Ему было всего четырнадцать, когда *это* произошло. Кто бы мог подумать, невинности его лишила соседка по лестничной клетке, тридцатипятилетняя полногрудая разведенка – Арсений сейчас и не вспомнил бы, как ее звали. Тетка давно на него глаз положила. Все норовила зажать в подъезде под каким-нибудь вполне невинным предлогом – как дела в школе? что вы про-

ходите по химии? Плевать ей было на химию, она однажды и сама такого нахимичила – Арсений потом несколько месяцев опомниться не мог.

– Зайди ко мне, Арсюша, на минутку. Я для твоей матери журнал с вязаньем передам, она давно просила, – повелительно скомандовала в тот вечер соседка.

Арсений и зашел, хотя мог бы сразу догадаться, что вязанье здесь ни при чем – его мать вообще вязать не умела.

– Арсений, как ты вырос, как время быстро летит! – умилилась она.

– Да.

– Мне кажется, я совсем недавно в этот дом въехала, а ведь уже почти десять лет прошло. А ты помнишь меня молодой, помнишь, а?

– Помню, – буркнул Арсений.

– Скажи, я была хорошенькая? Тогда я в блондинку красилась. Волосы завиты, глаза блестят, мужики по мне с ума сходили... Да и сейчас сходят. Что улыбаешься, не веришь, что ли?

– Верю, – пришлось сказать ему.

– А знаешь почему? Мужчинам нравится большая грудь, так-то!

Арсению стало неловко.

– А где журнал-то? – пробормотал он.

– Какой журнал?.. Ах, журнал. Да погоди ты. Вот лучше ответь, у тебя девочка есть?

– Делать мне больше нечего!

– Глупенький. – Тетка придвинулась ближе.

Арсений и сказать ничего не успел, как она прижала его спиной к стене с засаленными обоями и впилась в его губы своим карминным ртом. Тетка была страшная, толстая, неухоженная, но целовалась приятно. Арсений ее не оттолкнул. А потом был прохладный пол в соседкином коридоре, и на его голой спине отпечатались квадратные паркетинки. Ему ничего делать не пришлось. Она взгромоздилась на него, как опытная наездница на робкого конягу. Ее толстые ляжки обнимали его бока – еще чуть-чуть, и ребра переломает. Арсений закрыл глаза. Ему было одновременно стыдно, сладко, неудобно, холодно, жарко, весело, тошно.

Тетка эта долго потом его преследовала, но Арсений решил для себя – хватит. Только не с ней.

Много их было потом. Одноклассница, с которой он гулял несколько месяцев. Смазливая продавщица из галантереи. Скромная студентка, с которой он познакомился в автобусе. Взрослая женщина, подруга его матери. Дочь взрослой женщины, подруги его матери. Учительница английского.

Вокруг Арсения постоянно кипели какие-то страсти.

К тому моменту, когда ему исполнилось двадцать, у него, должно быть, было не меньше пятидесяти женщин. А может быть, и больше – он не считал.

И вот Москва. В Москву Арсений ехал к дальней родственнице матери – поступать в строительный институт.

Москва его ошеломила. Поразила в самое сердце. Он, конечно, слышал, что здесь все по-другому, почти как в Европе. Но такого представить себе не мог, пока не увидел собственными глазами. Словно в рай попал, но только на экскурсию. Насовсем здесь его никто не ждал.

В первый же день на Поклонной горе он увидел десятки свадебных кортежей. Как это было непохоже на провинциальные свадьбы! Все невесты были хороши, как картинки из модного журнала. Многие приехали на длинных лимузинах – он раньше такие авто только в кино видел.

Арсений с изумлением разглядывал толпы проституток на Тверской. Многие из них были совсем молоденькими и весьма хорошенькими. Арсений не выдержал и подошел к одной, курносой блондиночке – ему всегда нравился такой тип.

– Тебе скидка, – кокетливо стрельнула глазками девушка. – За красоту.

– Сколько? – хрипло спросил Арсений. В тот момент ему казалось, что он никого красивее той проститутки не встречал. У нее были умопомрачительные ногти – длинные, расписанные под Хохлому.

– Пятьдесят за два часа, сотню за ночь. Обычно я беру двести. Ну так что?

Он полез за кошельком. Дрожащими пальцами пересчитал купюры.

– Эй, сладенький, долларов!

– Что?

– Цены в долларах. В условных единицах, что, непонятно?

– Я... Я пойду.

– Подрасти, – фыркнула проститутка и переключила свое внимание на золотозубого кавказца, подрулившего к ней на выдавшем виды «Мерседесе».

Арсению нравилась бестолковая суета московского метро. Ему нравилось смешиваться с уличной толпой. Он жадно рассматривал людей – в Ноябрьске за такое могли и в глаз двинуть, а здесь никто даже внимания не обращал. Столичные женщины казались ему ухоженными. Никогда раньше он не видел столько нарядных красавиц.

А возле гостиницы «Националь» Арсений увидел настоящего швейцара в ливрее! Усатый блондин равнодушно взглянул на него из-под старомодного цилиндра. Заметил, что Арсений уставился на него с вытаращенными глазами и глупо разинутым ртом, и улыбнулся снисходительно. Мимо швейцара проходили люди – все они принадлежали к какой-то другой, незнакомой Арсению жизни. Улыбчивые иностранцы с дорогими кожаными чемоданами. Длинноногие томные барышни в небрежно распахнутых летних пальто. Один мужчина, вышедший из отеля, особенно привлек его внимание. Да какой мужчина – мальчик это был, должно быть, его, Арсения, ровесник.

Не слишком высокий, темноволосый, смуглый, с аккуратно подстриженной бородкой в стиле Джорджа Майкла и

презрительно-усталым взглядом зеленых русалочьих глаз. У него была пружинистая походка профессионального танцора. Одет он был в белоснежный вельветовый костюм. Голая смуглая грудь, брюки-клеш и такой искушенный вид – это в двадцать-то лет! Незнакомец выглядел хозяином жизни, и Арсению вдруг впервые стало неловко за то, что на его ногах стоптанные кроссовки с засаленными шнурками, за то, что перед ним-то вежливый швейцар едва ли услужливо распахнет дверь, ведущую в другой, золотой, надушенный мир.

«Первое, что я сделаю, когда разбогатею, куплю себе вот такой же белый вельветовый костюм!» – решил Арсений. Правда, он пока понятия не имел, как именно он собирается разбогатеть. Но почему-то был твердо уверен именно в таком благополучном повороте собственной биографии.

– Молодой человек, извините...

Арсений обернулся, стряхивая внезапно нахлынувшую зависть и грусть. Перед ним стоял незнакомый мужчина в джинсовом костюме, помахивая картонным прямоугольником – вероятно, визитной карточкой.

– Молодой человек, вы модель? – поинтересовался незнакомец.

– Я студент. – Арсений старался говорить с чувством собственного достоинства. Как говорил бы с ним тот пижон в белом вельвете, которого он никак не мог забыть. «Черт, у меня никогда, никогда не получится вести себя, как он!»

– Никогда не задумывались о модельном бизнесе?

– Нет.

Арсений смутно себе представлял, что такое модельный бизнес. Это словосочетание, также принадлежащее к какой-то другой жизни, яркой и чужой, лишь однажды всплыло в их семье. Однажды Арсений узнал, что его отец, красавец военный, содержит молоденькую девицу, победительницу конкурса «Краса Сибири» в номинации «Мисс ноги». Узнала об этом и мать, вот она-то и кричала на неверного мужа: «С ума сошел, пень старый! Да в этом модельном бизнесе одни шлюхи!»

– Я оставлю вам свою визитную карточку. Мне кажется, вам стоит попробовать. – Желтый бумажный прямоугольник, немного помятый, переключался в руки Арсения. А «джинсовый» дядька растворился в толпе.

«Модельное агентство «КАСТ».

Партнер международного агентства «Голливуд Моделз».

– Вот еще, – пробормотал Арсений, скомкав визитку и положив ее в карман. – Нужен мне какой-то модельный бизнес! Я в строительный поступлю, сейчас недвижимость – дело выгодное.

Стану богатым и первым делом куплю себе белый вельветовый костюм!

В институт он не поступил. Провалился на первом же экзамене, по математике.

Шофер Анни ждал его внизу. Арсений коротко ему кивнул и попросил посильнее включить кондиционер. Шофер

усмехнулся, почувствовав пренебрежительное отношение Арсения к себе. Он понимал, что они оба по большому счету являются обслуживающим персоналом, пригревшимся у бездонного кошелька Анни.

Француженка встретила его в неглиже. Она ничуть не стеснялась шофера, который нес за Арсением тяжелый пакет. У нее была мужская фигура – полное отсутствие груди, широкие плечи и узкие бедра.

– Что в пакете, мон амур? – промурлыкала она, лизнув его в ухо.

– Стихи, Шекспир, – улыбнулся предусмотрительный Арсений. – Сегодня я прочту тебе несколько сонетов, моя волшебная.

– Сегодня в этом нет необходимости, – хохотнула Анни. – Вот, познакомься, это Франсуа.

Из комнаты вырулил узкоплечий манерный блондин в набедренной повязке. У «Франсуа» было гладкое загорелое тело и простое рязанское лицо.

«Ты такой же Франсуа, как я Гарри Поттер», – подумал Арсений, небрежно кивнув псевдофранцузу.

– Франсуа – поэт, – объяснила Анни. – Сегодня он займет твое место, красивый.

– А я? – растерялся Арсений.

– А ты будешь лизать меня, пока я не растаю, как эскимо. – Анни гортанно засмеялась, довольная образностью своего языка.

Карина припарковала машину у скромно спрятавшегося в тенистом дворике особняка, на двери которого блестела позолоченная табличка «Модельное агентство «КАСТ». Вот почему телефонный номер с самого начала показался ей немного знакомым. Да этот номер по сто раз объявляют с телеэкранов: «Если вы хотите стать второй Клаудией Шиффер, приходите в агентство «КАСТ». Мы сделаем вас звездой!»

Сказать, что Карина была удивлена, значит, не сказать ничего. Агентство «КАСТ» считалось одним из первых, лучших русских модельных агентств. Его модели позировали для обложек гламурных журналов, они выигрывали престижные международные конкурсы и разгуливали по парижским подиумам. Неужели за дверями фирмы с такой репутацией располагается бордель?

– Спокойно, – сказала она себе. – Почему я так негативно мыслю? Эскорт-служба и бордель – это совсем не одно и то же.

Карина так говорила, но кто бы знал, как нелегко ей было переступить порог.

В модельном агентстве пахло свежесваренным кофе и какими-то пряными духами. Навстречу ей устремилась секретарша, которая и сама когда-то, наверное, была моделью – красота девушки была настолько совершенна, что Карина даже сделала шаг назад.

Ее узнали, ее ждали, ей были рады.

– Проходите, пожалуйста, вы предпочитаете чай или ко-

фе?

– Спасибо, я ничего не хочу.

– Есть минеральная вода. Могу предложить свежесжатый сок, – не отставала девушка.

– Спасибо, ничего не надо.

– Петр Вадимович ждет вас в кабинете.

Директор агентства «КАСТ» Петр Бойко встретил ее так, словно они были лучшими друзьями, которые не виделись несколько лет. Он был невысоким, едва доставал ей до плеча, и менее всего походил на удачливого бизнесмена. На вид ему было лет тридцать, не больше. Черноволосый, энергичный, с небольшими аккуратными усиками, он белозубо улыбался, но Карине почему-то сразу не понравился. Наверное, потому, что взгляд его оставался настороженным. Непробиваемый взгляд.

– Рад, что вы решили воспользоваться нашими услугами. Я ваш большой поклонник.

Карина уселась в глубокое кожаное кресло, эффектно закинула одну отточенную диетами ногу на другую, закурила, красиво вытянув губы трубочкой, и только потом ответила:

– Это только на один раз. Я не нуждаюсь в ваших услугах постоянно. Просто такие обстоятельства...

«Какого хрена я перед ним оправдываюсь?»

– Я все понимаю. – Его улыбка стала еще шире. Не президент, а чеширский кот. – Не волнуйтесь, пожалуйста, наше агентство гарантирует полную конфиденциальность. Вы не

будете чувствовать себя неловко.

– А с чего вы взяли, что мне неловко? – Она смотрела на него не мигая. В конце концов, она была актрисой и могла сыграть любую роль. Но ее неприятно задело, что Бойко читает ее, как открытую книгу.

– Я этого не сказал, вы же женщина умная, – быстро сориентировался президент. – А вот многие стесняются... Хотите посмотреть каталог?

– Какой каталог?

– С фотографиями и сводными данными мужчин. – Он извлек из черного офисного шкафа две толстые папки. – Будете смотреть все или подобрать по исходным данным?

У Карины голова закружилась.

– По каким еще данным?

– Вы знаете, какого мужчину хотите заказать? Возраст, цвет волос, образование. Если вы мне скажете, то я подберу только тех, кто этим критериям соответствует.

– Нет, я лучше всех посмотрю.

– Как скажете. – Он вручил ей альбомы. – В начале совсем юные мальчики. Восемнадцать-двадцать лет. За этими ничего, кроме внешности. Дальше те, кто старше. Самая востребованная группа – двадцать пять – тридцать. Среди них разные встречаются. Есть даже кандидат филологических наук. А вот в этом альбомчике мужчины за сорок. В конверте – отдельно иностранцы.

Карина небрежно переворачивала странички. Почему-то

ей было неловко задерживать взгляд на отдельных фотографиях, она изо всех сил демонстрировала полную незаинтересованность. Петр это почувствовал и решил не мешать знаменитой клиентке.

– Карина, вы не будете против, если я вас оставлю на четверть часа? Мне надо позвонить в Нью-Йорк, там у одной нашей девушки проблемы на показе.

– Да-да, как вам будет угодно.

– Может быть, все-таки чай?

– Хорошо, с лимоном и без сахара, пожалуйста.

Петр коротко кивнул и вышел из комнаты.

Практически в ту же секунду в кабинет ворвалась красавица секретарша с подносом в руках. Она поставила на низкий столик перед Кариной дымящуюся чашечку, блюдо с нарезанным лимоном и вазочку с дорогими шоколадными конфетами. Потом, смущаясь, протянула ей бумажный лист формата А4.

– Карина, если вас не затруднит, не могли бы вы дать мне автограф?

– Конечно. – Карина заставила себя улыбнуться и старательно вывела для красавицы витиеватую подпись в вензелях и загогулинах.

– Ух ты! Красиво, – восхитилась секретарша-модель. – Спасибо огромное. Только Петру Вадимовичу не говорите, а то он сердиться на меня будет.

Девушка вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Да, услужливый Петр Вадимович Бойко предоставлял желающим порезвиться мальчиков на любой вкус. Карина ли- стала альбом, с любопытством вглядываясь в лица и пытаясь разглядеть в каждом из них червоточинку порочности. Интере- сно, смогла бы она разгадать, чем зарабатывает на жизнь, скажем, вот этот коренастый брюнет, если бы встретила его на улице или в кафе? Она призналась самой себе: ни за что не разгадала бы. В «службу знакомств» агентства «КАСТ» по- падали только обладатели приятных, интеллигентных лиц.

На каждого мужчину у Петра было мини-досье.

Портрет, фото в полный рост, фото в плавках и краткая информация.

«Алексей, 28 лет, мастер спорта по академической греб- ле, – читала Карина. – Выпускник физмата МГУ, красный диплом. Занимается верховой ездой».

«Дамир, 30 лет, танцор балета. В настоящее время танцует в составе известного стрип-ансамбля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.